

БОЛЬШЕ ЧЕМ
ДЕТЕКТИВ

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Горький
КВЕСТ

Том 3

Александра Маринина

Горький квест. Том 3

Серия «Горький квест», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37406911
Горький квест. Роман в 3 т. : Т. 3 / Александра Маринина: Эксмо;
Москва; 2018
ISBN 978-5-04-097146-6*

Аннотация

Один из самых необычных романов Александры Марининой. При подготовке к его написанию автор организовала фокус-группы, состоящие из молодых людей, никогда не живших в СССР. Цель: понять, как бы они поступили в той или иной ситуации, если бы на дворе были 70-е годы прошлого столетия.

Представьте, что вы оказались в СССР. Старые добрые семидесятые: стабильность и покой, бесплатное образование, обед в столовой по рублю, мороженое по 19 копеек... Мечта?! Что ж, квест покажет...

Организаторы отобрали несколько парней и девушек для участия в весьма необычном эксперименте – путешествии в 1970-е годы. В доме, где предстоит жить добровольцам, полностью воссоздан быт эпохи «развитого социализма». Они читают пьесы Максима Горького, едят советские продукты, носят советскую одежду и маются от скуки на «комсомольских собраниях»,

лишенные своих смартфонов и прочих гаджетов. С виду – просто забавное приключение. Вот только для чего все это придумано? И чем в итоге закончится для каждого из них?

Содержание

Записки молодого учителя	45
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Александра Маринина

Горький квест. Том 3

© Алексеева М.А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Дверной звонок вывел Наташу из задумчивости, в которую она погрузилась, оттирая ванну и унитаз. Конечно, перевозданной белизны не добиться, но хоть какое-то подобие белого цвета без желтых потеков и разводов должно же быть у сантехники! Движения стали механическими, она все терла и терла поверхности тряпочкой со стиральным порошком – Надежда Павловна сказала, что в те времена других средств не было.

Сегодня с утра устроили тестирование, которое проводил психолог Вилен, нужно было на бланках проставлять галочки напротив подходящих ответов. Потом было первое комсомольское собрание, на котором сначала нужно было слушать невероятно нудный доклад про какую-то скучную книгу, после чего обсуждали Тимура, который на семинаре по истории КПСС назвал какое-то решение «волюнтаристским». Зачем нужна эта история КПСС и почему нельзя было так назвать то решение, Наташа не вникала, в обсуждении

проступка Тимура не участвовала, да и никто, собственно говоря, не участвовал. Организаторы остались недовольны тем, как прошло собрание, но что и как нужно делать, чтобы им понравилось, Наташа понять не сумела.

На завтра задали прочесть пьесу «Дачники», и Наташа решила, что вполне успеет после обеда не только «сделать уроки», но и навести чистоту и порядок в ванной и туалете.

Услышав треньканье звонка, она бросила тряпку в ванну, включила воду, сунула ладони под струю воды и сразу почувствовала, как саднит кожа. Ну и порошок! Наскоро обтерла руки полотенцем и выскочила в прихожую. А вдруг? Вдруг это Сергей?

Но это была Маринка, и физиономия ее выглядела довольно кислой.

– Старуха погнала меня в магазин, сказала, что дефицит какой-то выбросили, нужно отстоять очередь и купить. Пошли, а?

– Какой дефицит? Мне не нужно ничего. И вообще, я ванну чищу.

– Ну пойдем, Наташка, ну пожалуйста, – взмолилась подруга. – Старуха сказала, что это обязательно, это часть квеста. Мне одной в лом. Там уже почти все собрались.

– Ладно, – вздохнула Наташа, – пойдем.

Странно, что Полина Викторовна отправила Маринку выполнять задание, а вот Наташе Надежда Павловна ничего не сказала. Задания ведь для всех одинаковые. Если бы Марин-

ка не зашла, Наташа так и драила бы ванну и не узнала бы ничего. Или так специально задумано? Но почему?

Дверь в квартиру-столовую была, как всегда, открыта, на площадке и частично в прихожей толпился народ – и участники, и сотрудники. Надо же! Все эти люди стоят и разговаривают прямо перед дверью в квартиру, где Наташа живет вместе с Надеждой Павловной, а она, оттирая ванну и задумавшись, ничего не слышала...

– Что это? – удивилась и одновременно испугалась Наташа. – Что-то случилось?

– Вопрос неправильный, – бодро прогремел Виссарион Иннокентьевич. – Полагается спрашивать: «Что дают?»

– Что дают? – послушно повторила она.

– Завезли венгерских кур и копченую колбасу, – многозначительно улыбаясь, пояснил актер. – Девушки уже пришли.

Наташа зажмурилась и помотала головой. Ей показалось, что она попала на другую планету. Почему куры венгерские? Почему все толпятся здесь? Какие девушки и куда они пришли? Ничего не понятно.

– Какие девушки? – тупо спросила она.

– Продавщицы. Ирина и Полина Викторовна, – пояснил переводчик Семен, стоящий рядом с Гримо.

Маринка округлила глаза.

– Обе? А зачем? Стар... Полина Викторовна вроде только что дома была...

Сзади к девушкам подошел Юрий, тоже встал в очередь и принялся объяснять:

– Потому что натуральное мясо и колбаса не должны продаваться в одном отделе. Два отдела – два продавца.

– И две очереди? – послышался голос Сергея.

Оказывается, он стоял в прихожей, и Наташа его сразу не увидела.

– Вообще-то очередей три, а не две, – продолжал разъяснять Юрий. – Сначала вы стоите в один отдел, потом в другой, потом в кассу, после чего проталкиваетесь сначала к одному продавцу, потом к другому, чтобы забрать свои покупки. Так что готовьтесь, молодежь, легко не будет. И быстро тоже не будет.

– А почему ничего не продают и дверь не открывают? – спросил Тимур.

Сотрудники рассмеялись, веселее всех хохотала Галина Александровна.

– Потому что товар еще не вынесли из подсобки, – ответила она, вытирая выступившие слезы.

– А почему его не выносят? – это уже Артем.

– Потому что сначала нужно обзвонить всех знакомых и нужных людей, спросить, оставить ли им курицу или палочку колбасы, отложить все «для своих», для себя, а уж потом, что останется, нести в торговый зал.

– А сколько еще ждать?

– Как повезет. Может, минут пять, а может, и полчаса. То-

варищи, соблюдайте очередь, не толпитесь кучей! – громко скомандовала профессор.

Наташа обернулась к Юрию, стоящему сзади.

– А вы правда привезли куриц и колбасу?

– Правда, – подтвердил завхоз.

– Давно?

– Да минут двадцать как разгрузился.

– Вот! – снова загремел сочный баритон Гримо. – Наташья молодец, быстро учится жить по старым правилам. Найди грузчика и спроси, когда завезли товар. Тогда можно хотя бы примерно прикинуть, сколько еще ждать, пока документы оформят, посчитают, взвесят, разложат, вопросы порешают.

Маринка начала решительно протискиваться между людьми, заполнившими площадку и прихожую.

– Девушка, вы куда? – строго спросила Галина Александровна. – Вы там не стояли, вы позже подошли, я видела.

– Хочу спросить, когда начнут продавать, – ответила Маринка.

Сотрудники снова грохнули дружным смехом.

– Так вам и сказали! И вообще, вы туда не пройдете, вы по эту сторону прилавка, в торговом зале, а продавцы в подсобке, туда можно войти только со стороны служебного входа. Вот подождите, выйдет продавец, за ним следом работник с товаром, тогда начнут продавать.

– Тогда я пойду пока в буфет, там посижу. Чего тут сто-

ять-то беспонтово?

Хохот стал еще громче. Наташа понимала, что Маринка делает что-то неправильно, но что именно – уловить не могла. Тучный Семен, отирая выступившие на лбу капли пота, прочел для молодых участников короткую лекцию об устройстве очереди. Из лекции следовало, что сорок лет назад отойти посидеть и подождать, пока подойдет очередь в продуктовом магазине, было практически нереально. Во-первых, сидеть негде. Во-вторых, выходя из очереди, нужно непременно предупредить того, кто стоит следом за тобой, и попросить, чтобы тебя запомнили. Отлучаться следует ненадолго. Если тот, кто стоял за тобой, тоже уйдет, то следующий в очереди тебя совершенно точно вперед себя не пропустит: он тебя не видел, не помнит, ты его ни о чем не предупреждал. И тебе придется вставать в конец очереди. И, в-третьих, даже если найдется где присесть, то не дай бог тебя увидит кто-нибудь из твоей очереди! Они стоят, а ты сидишь! Тебе этого не простят. И либо сделают вид, что не помнят тебя, и не пропустят, либо ты слушаешься столько приятного, что воспоминаний хватит на неделю.

Маринка недовольно нахмурилась.

– Так что, стоять тут все время, что ли?

– Именно так, милая Марина, стоять как вкопанная, – весело подтвердил Гримо.

– Вот блин! Я даже за билетами на концерт любимой группы так не стояла, сейчас любые билеты можно по интернету

купить. А уж за курицей... Тоже мне, ценность!

– Зачем же вы, девушка, стоите в очереди, если вам курица не нужна? – ехидно спросил психолог Вилен.

– Мне Полина Викторовна велела.

– Маму надо слушаться, – назидательно проговорил Тимур. – Точнее, бабушку. Мне, например, Юра на пальцах объяснил, сколько всего можно приготовить из одной курицы. Мы с ним сначала сварим ее, потом из бульона сделаем суп с вермишелью и картошкой, половину вареной курицы разделим и съедим с гарниром, а из другой половины настрижем салатик. Одна курица – и целых три блюда! Юра обещал, что будет вкуснее, чем в столовке.

– И охота тебе возиться, – презрительно протянула Маринка. – Время только терять.

– Ты что! Прикольно же! Я никогда в жизни курицу не варил, интересно попробовать. Ну и зафотаю весь процесс, само собой. Да я на этой курице знаешь сколько лайков соберу?

Дверь в комнату-магазин приоткрылась, послышался сварливый голос:

– Подходите.

Дверь захлопнулась. Стоящий первым Сергей растерянно обернулся.

– Что стоишь? Заходи, – подбодрил его Вилен.

– Пошли, Серега, – оживился Артем.

– Э, нет, – остановил его психолог, – так не пойдет. Нас

здесь...

Он покрутил головой, пересчитывая присутствующих: шестеро участников, шестеро сотрудников.

– ...двенадцать человек. А в очереди должно быть как минимум человек пятьдесят, и эту очередь нужно отстоять. Пятьдесят – это еще приемлемо, это, считайте, вам сильно повезло, а могло быть и больше ста. Так что входите по одному, и после каждого из вас должна быть пауза минут на пять, в течение которых обслужат еще пять условных покупателей. Заходи, Сергей.

Когда дверь за ним закрылась, Артем снова требовательно посмотрел на Галину Александровну.

– Все равно я не понимаю, зачем сюда всех согнали. Мы с Виленом живем вместе, он меня послал в магазин, я пошел, с этим все ясно. А он сам-то зачем тут стоит? Для массовости?

– И для массовости тоже. Нужно, чтобы вы прочувствовали, каково это – простоять час в очереди за едой среди уставших нервных людей. Поверьте мне, это крайне полезный опыт. Кроме того, могут иметь место ограничения, например, по одной курице или по одной палке колбасы в руки, и если вам нужны две курицы или побольше колбасы, то нужно либо стоять в очереди дважды, либо идти вдвоем.

– А зачем нам по две курицы? – подала голос Маринка. – И колбасы столько на фиг надо?

– Может быть, вы ждете гостей и вам нужно много продуктов. Может быть, у вас большая семья. Может быть, вы

хотите, чтобы курица просто была про запас, потому что когда сможете купить ее в следующий раз – неизвестно. То же самое относится к копченой колбасе. Вареную колбасу никто про запас не покупает, это понятно, а вот копченая – деликатес к праздничному столу и хранится достаточно долго. А поскольку это не только деликатес, но и дефицит, то может использоваться в качестве подарка или подношения.

Тимур присвистнул.

– Ни фиги себе! Колбаса в подарок! Упаковать в коробочку и перевязать ленточкой с бантиком! Это крутейше! Люди, ну правда, встаньте в очередь, как положено, я пофотаю пока.

Со своим фотоаппаратом он не расставался. Сотрудники с улыбками переглянулись и послушно стали выстраиваться в линию, участники тоже заняли свои места. Когда десять человек перестали толпиться и встали друг за другом, первый – Артем – оказался у самой двери, за которой раздавали продукты, а последние трое стояли на ступеньках лестницы. Теперь Наташе видна была и Евдокия, до этого не проронившая ни слова и остававшаяся совершенно незаметной. Следом за Наташей пристроилась Маринка, за ней – Юрий, и замыкал очередь подошедший самым последним доктор Эдуард Константинович. Тимур скакал вдоль очереди, щелкая затвором.

– Эй, фотограф, а твоя очередь где? – насмешливо спросил Артем. – Смотри, без курицы останешься, а в следующий

раз неизвестно когда завезут.

– Так я же с тобой вместе пришел! Ты что, забыл?

– Ничего не знаю, молодой человек, – обычно сочный голос Гримо вдруг зазвучал противно и скрипуче, – я вас тут не видел, и не вздумайте пролезть без очереди. Вон тот юноша, – артист бесцеремонно стал тыкать в воздух указательным пальцем в сторону Артема, – стоял, я видел, он как пришел – так никуда и не отходил, а за ним вон тот мужчина.

«Вон тем мужчиной» был переводчик Семен.

– А вас, молодой человек, тут не стояло! – продолжал Гримо.

Неожиданно за Тимура вступилась Евдокия.

– Ну что вы, он стоял.

– Не было его!

Теперь в мини-спектакль включилась Галина Александровна.

– И вы, девушка, его не выгораживайте, а то взяли моду скакать по свиданиям, шататься неизвестно где, а потом без очереди лезть! Постыдились бы, молодые, а стоять не хотите, все вам на блюдечке подавай, мы весь день отработали и теперь стоим, куда только родители смотрят, вырастили захребетников!

Евдокия умолкла, а все сотрудники наперебой принялись ругать современную молодежь вообще и паренька с фотоаппаратом в частности. Обстановка быстро накалилась, и Наташа удивлялась, почему так долго не выходит Сергей. Она

осторожно подняла руку и дотронулась до плеча стоявшего перед ней Виссариона Иннокентьевича.

– А что вы будете из курицы готовить? – спросила она.

Гримо улыбнулся и ответил своим обычным голосом:

– Сам не знаю. Я готовить не умею. Сережа, кажется, тоже не мастер. Но будем пробовать, Надюша обещала рецепт дать, научить.

– Может, помочь? – предложила Наташа. – Я неплохо готовлю, меня мама учила. Мы с Маринкой вместе живем, я всегда ее кормлю.

– Прекрасно, прекрасно, – довольно загудел актер. – Будем крайне признательны, крайне! Я бы съел цыпленка табака.

Цыпленок табака! Этого Наташа не умела.

– Я отойду на минутку, – сказала она, обернувшись к Маринке.

Та, конечно, заметила, что подруга разговаривала с куратором Сергея, и теперь глаза ее сузились в подозрительном прищуре.

– Ты куда? Что ты еще задумала?

– Ничего я не задумала, подойду к Надежде, спрошу рецепт.

– Зачем тебе рецепт? Твоя Надежда сама все приготовит, она же повар. Не темни, Наташка! Не валяй дурака! – сердито зашипела Маринка.

– Хочу научиться.

Наташа прошла вдоль очереди. Надежду Павловну она нашла в общей комнате; та сидела за пустым столом, откинувшись на спинку стула и вытянув ноги.

– Хорошо, что вы все в очереди стоите, – улыбнулась она, увидев Наташу, – я хоть отдохну немножко, никому буфет не понадобится. Если только Назар заглянет, но я им недавно наверх подавала к чаю... А ты что пришла?

Услышав, что нужен рецепт, Надежда Павловна покачала головой:

– Из тех кур, которые привезли, «табака» не получится, можно, конечно, сделать, но вкусно не выйдет.

– Маринка сказала, что куры какие-то венгерские.

– Ой, да перестань, – повар махнула рукой. – Это в прежние времена венгерские куры считались хорошими, их моментально раскупали. Сейчас их у нас не продают, Юра с фермы птицу привозит. Про венгерские сказали, чтобы вы почувствовали аромат эпохи. Все импортное было заведомо лучше, чем наше. Югославские или финские сапоги, например, французская тушь, монгольские дубленки – все было дефицитом. И венгерские куры тоже.

– Ясно, – разочарованно протянула девушка. – А почему вы меня в магазин не отправили? Если бы Маринка за мной не зашла, я бы и не узнала, что нужно в очереди стоять.

– Для правды жизни, – усмехнулась повар-буфетчица. – Если твоя мама имеет дело с продуктами, то тебе за дефицитом стоять не нужно, у вас в семье эта проблема решает-

ся по-другому. И курица сама собой появится, и колбаса, и заграничную косметику прямо домой принесут. Работники торговли и общепита в очередях не стояли, как правило.

– Выгодно быть вашей дочкой, – заметила Наташа.

– А ты думала! Так что можешь идти домой, если не хочешь стоять.

– Нет, я как все... И Маринке скучно одной, мальчики все впереди оказались, они раньше других пришли, Дуня молчит как рыба, мы там стоим среди старших, и если я уйду – ей даже поговорить не с кем будет. И вообще, это, наверное, обидно: она стоит, а я порхаю, потому что мне с мамой повезло.

Надежда Павловна наклонилась, помассировала отекавшие за день щиколотки, вздохнула.

– Так жизнь устроена. Всюду и всегда. Одни стоят, другие порхают.

Проходя на обратном пути мимо двери комнаты-магазина, Наташа столкнулась с выходящим оттуда Сергеем. В руках у него была матерчатая сумка с продуктами.

– Купил? – с интересом спросил Артем, чья очередь была следующей.

– Ага!

– Надо говорить не «купил», а «отоварился», – поправил его Семен. – И запомни: при советской власти все более или менее стоящее не продавали, а давали или выбрасывали. Ты же хорошо чувствуешь слово, должен понимать, что разница

принципиальная.

– Понял, учту. А когда мне можно заходить?

– Продавцы сами позовут, не волнуйся.

Наташа следом за Сергеем стала протискиваться в тесном коридоре вдоль очереди, обогнала его и подошла к своему месту, между Гримо и Маринкой. Сердце ее бешено колотилось. Вот сейчас он подойдет, Виссарион Иннокентьевич скажет ему, что Наташа вызвалась помочь, а она ответит, что из этих кур «табака» не получится и она лучше приготовит им что-нибудь другое, например потушит курицу в сметане с чесноком или сделает котлеты... Завяжется разговор, Сергей пригласит ее к себе... Хотя как же она уйдет, очередь ведь... Надо играть по правилам. Ничего, главное – договориться.

Утихшая было свара в очереди оживилась, только поводом теперь был уже не Тимур, а Вилен, изображавший человека, которому «в больницу». Наташа так волновалась, ожидая начала разговора с Гримо и Сергеем, что в первый момент вообще не поняла, что происходит. Сергей все не подходил, он застрял возле Евдокии и о чем-то тихонько беседовал с ней. Наташа не сводила с него глаз, а в голове звучала старая печальная песня:

Что касается меня, то я опять гляжу на вас,

А вы смотрите на него,

А он глядит в пространство...

– Юра! – послышался из глубины квартиры голос Надеж-

ды Павловны. – Ты здесь?

– Да! – громко отозвался завхоз. – Я нужен?

– Не могу окно закрыть, щеколду заело!

– Иду!

Он ловко пробрался внутрь и скрылся. Теперь доктор Ка-
чурин стоял прямо за Маринкой, и Наташе казалось, что она
слышит у себя за спиной негромкие голоса, но не могла за-
ставить себя обернуться и посмотреть, кто разговаривает.
Она оцепенела, глядя на Сергея и Евдокию. Ну почему, по-
чему она такой тормоз? Почему не сообразила заговорить с
Сергеем сразу же, как только он вышел, чтобы он увлекся и
прошел мимо этой странной молчаливой Дуни? Ведь такая
прекрасная возможность представилась! Можно было спро-
сить о покупках, о Полине и Ирине, игравших роли продав-
щиц, можно было даже попробовать обсудить слова Семе-
на о разнице между «продавать», «давать» и «выбрасывать».
Артем сказал, что все понял, а Сергей? Она, Наташа, напри-
мер, не совсем поняла. Нутром чувствует эту разницу, а объ-
яснить так четко и красиво, как это обычно делает Артем, не
может. Можно было начать обсуждать феномен очереди...
Да много поводов для разговора, выбирай любой! А она, как
дура, молча шла следом за ним, а когда он остановился око-
ло Евдокии, просто прошла дальше.

– Товарищи, ну поверьте, у меня жена в больнице, ей нуж-
но диетическое питание, я должен успеть сварить бульон и
отнести ей...

– Не пускайте его без очереди! У нас у всех кто-нибудь в больнице лежит, так что, теперь всех без очереди отпускать?

– Да пропустите его, ну что вы, в самом деле...

– А вы не командуйте!

– У меня тоже времени нет, мне за внуком в садик надо, а я стою! И вы постоите, не развалитесь!

– Так в больницу же... Диетическое...

– Да не слушайте вы его, знаем мы эти штучки! В больницы после семи вечера не пускают, а сейчас уже без двадцати семь. Вы, мужчина, врите да не завирайтесь!

Открылась дверь, выглянула Ирина.

– Подходите, – бросила она Артему, потом перевела недвольный взгляд на очередь и вдруг гаркнула отвратительным базарным голосом: – Граждане, не орите, мешаете работать! И очередь не занимайте, товар заканчивается.

Свара мгновенно утихла, повисла тишина. Наташа очнулась. Сергей по-прежнему стоял около Дуни. Но, возможно, это ничего не значит...

Вернулся Юрий.

– Я стоять не буду, – заявил он. – Раз товар кончается, значит, мне точно не хватит. Это мое несчастье по жизни, всегда всё заканчивается ровно передо мной.

Наташа молча кивнула.

– Значит, и нам не хватит? – слышался сзади голос доктора. – Думаете, нам с девушкой тоже не имеет смысла стоять?

– Смысл всегда есть, – непонятно ответил завхоз.

Интонация у него была странной, но Наташа так расстроилась, что не стала думать об этом. Сергей отошел наконец от Евдокии и остановился около актера.

– Почему ты так долго в магазине торчал? – спросил Григорий подошедшего Сергея.

– В кассу большая очередь была, – с усмешкой ответил тот.

– Ох уж эта Полина! Знаю ее вредный характер. Небось, она придумала? Иришка у нас добрая, она не стала бы тебя мытарить.

– Добрая? А что ж на вас кричала, как подорванная?

– Роль такая. Вот Наташенька... – начал Виссарион Иннокентьевич, но ей уже совсем не хотелось, чтобы ее приглашали в гости или просили помочь.

Ей хотелось одного: убежать к себе, закрыться в своей комнате и лечь, отвернувшись к стене.

И опять лицом в подушку,
Ждать, когда исчезнут мысли...
Что же делать? Надо, надо
Продержаться как-нибудь.

Но разве можно уйти из очереди? Надежда Павловна на работе, никто, кроме нее, Наташи, продукты не купит, а играть нужно строго по правилам. Как бы это выглядело, если бы девушка ушла из магазина без покупок и оставила всю

семью без продуктов только потому, что у нее резко испортилось настроение?

– Спасибо, Наташа, – донесся до нее голос Сергея, – я думаю, мы сами справимся. Не хочется тебя затруднять.

Ну конечно. Если бы помощь предложила Евдокия, он бы наверняка согласился. Но она, судя по всему, не предложила. «... Я опять гляжу на вас, а вы глядите на него, а он глядит в пространство». Почему все так нелепо?

Она даже не заметила, в какой момент и куда исчезли Маринка и стоявший последним доктор Качурин. Просто стояла, тупо дожидаясь, когда настанет ее очередь заходить в магазин и прозвучит голос Ирины, приглашающей следующего покупателя. Маринка тоже хороша! Вытащила ее стоять в очереди, а сама смылась, как только сказали, что товар заканчивается. Хоть бы слово проронила, предупредила, что уходит. Наверное, наслаждается одиночеством в пустой квартире, пока Полина Викторовна изображает из себя продавщицу. Или, может быть, придумала, как завязать более близкий контакт с Уайли, и теперь готовится к осуществлению очередного грандиозного плана.

Как же долго тянется эта бесконечная очередь! Неужели люди действительно вот так стояли в магазинах после работы? Неужели правда, что нужно потратить столько времени, чтобы купить продукты? Потом нужно прийти домой, приготовить еду, вымыть посуду... А если еще что-то делать по дому, например убираться, помыть пол, постирать, погладить,

то уже и спать пора. Когда же жить? Только в выходные дни? А если всю уборку и стирку оставлять на субботу-воскресенье, то получается, что и выходных дней нет. Как-то неправильно была устроена жизнь... Хотя она и сейчас так устроена на самом деле, разница только в том, что на магазины тратится намного меньше времени, да над стиральной машиной стоять не нужно, кнопки нажал – и уходи гулять или спать ложись, а раньше машины были другими, Надежда рассказывала. Тогда в чем же разница между той жизнью и этой? Выходит, разница-то лишь в этой очереди за колбасой и в программном обеспечении стиральных машин. Или нет? Может быть, Наташа чего-то не понимает?

Сотрудники снова загалдели, нервозность опять начала нарастать, переводчик Семен, вышедший с покупками, остался на площадке и принял активное участие в общем го-моне, тон которому задавала Галина Александровна, которая, судя по всему, лучше всех помнила, какие разговоры обычно велись в длинных очередях за дефицитом и по каким поводам возникали скандалы. Самым активным помощником профессора выступал Виссарион Иннокентьевич, мгновенно перевоплощавшийся то в дряхлого старика-инвалида, то в энергичного многодетного отца, то в моложавую злобную пенсионерку, то еще в кого-то, находя для каждого персонажа и свой особенный голос, и набор слов. Пожилой актер явно наслаждался ситуацией, играя такое количество ролей и импровизируя на ходу, Галина Александровна весели-

лась, Семен пыхтел, обливаясь потом, но старался изо всех сил, психолог Вилен относился к порученному заданию серьезно, подавал реплики, разжигая конфликты, и в какой-то момент Наташе показалось, что это не игра. Это все взаправду. Она, двадцатилетняя девчонка, вместо того чтобы гулять с мальчиком или сидеть с ним в кино, стоит в этом жутком вонючем магазине, ждет, когда ей дадут возможность унести домой дохлую противную курицу, и вокруг все уставшие, злые, все торопятся и при этом боятся, что им не хватит, потому что «товар закончится». Над головами носится тоскливая нервозность, смешанная с безысходностью и ревнивым страхом, что кому-то достанется лучший кусок, а тебе самому не достанется ничего вообще и время, проведенное в магазине, окажется потраченным впустую, и эта гремущая смесь эмоций и негативных мыслей обтекает людей, стоящих вдоль прилавка, проникает сквозь одежду, пропитывает кожу. И когда кто-нибудь пытается влезть без очереди, эта смесь вырывается из-под кожи наружу в виде грубости, хамства и оскорблений, радуясь высвобождению. Да, от этого и в самом деле хочется убежать в тайгу, где много воздуха, деревьев и тумана и так мало людей, злобы и ненависти.

Хорошо, что у них здесь есть столовая. А если вот такое – каждый день? Как же люди выдерживали это ежедневное бесконечное стояние, эту злобность и нервозность?

Наконец Наташа вернулась в квартиру, сунула в морозильник курицу, сделала бутерброд с только что купленной

колбасой, вкуса никакого не ощутила, ушла в свою комнату, уткнулась лицом в подушку и заплакала. Эта странная очередь вытянула из нее все силы. Да, с ее плоскостопием стоять – невыносимо, ноги болят ужасно, даже ортопедические стельки не спасают, но еще мучительнее оказалась атмосфера, к которой Наташа не привыкла. «Я неприспособленная, – думала она, трясясь от рыданий, – я ни на что не гожусь, я знала, что не могу жить в этой сегодняшней жизни, а теперь оказалось, что я не смогла бы жить и в той жизни, о которой так мечтала. Я думала, что тогда было лучше. Я верила, что тогда все были умными, тонкими и добрыми, как песни из того времени. Но это не так. Плохо было всегда и всюду. Где же мне жить? Как мне жить? Когда мне жить?»

* * *

Артем закрыл том Горького и удовлетворенно улыбнулся. Он понял, в чем была его ошибка. Нет, не так: он не ошибался, он просто не знал, не понимал. Теперь, прочитав «Дачников», уверен, что понял. С людьми среднего и старшего возраста нельзя разговаривать так же, как с молодыми. Слоганы, на которые легко ведется молодой потребитель, не сбавывают. Молодому достаточно дать понять, что «если у тебя этого нет – ты отстой и лузер», и он немедленно побежит искать деньги, чтобы это купить. В долги влезет, в рискованную авантюру втянется, перед родителями унижится, но най-

дет деньги и купит. В современном мире иметь много – не стыдно, иметь лучшее – признак успешности, хвастаться – не зазорно. Как прошла молодость тех, кто родился в пятидесятые годы, то есть ровесников Владимира Лагутина? В основной своей массе – в унижении, в осознании убожества, в постоянном употреблении слов «блат» и «достать», когда смотришь, затаив дыхание, французский или итальянский фильм и понимаешь, что никогда, никогда не будешь ездить на такой машине, и никогда не будешь носить такую одежду, и не накормят тебя такой красивой и вкусной едой, и не жить тебе в просторной квартире, а собственный дом с бассейном – это уж просто запредельно и бывает только в кино, а не в настоящей жизни. И никогда ты не увидишь своими глазами такого моря, и не будешь загорать в шезлонге на таком хорошо оборудованном пляже. Выходишь из кинотеатра, видишь на улице людей в одинаковой серо-черно-коричневой одежде, заходишь в магазин, где в мясном отделе пустой прилавок, а в рыбном – один-единственный поддон со слипшимися замороженными тушками трески, и думаешь о том, что нужно занести одной женщине шоколадку, чтобы она предупредила, когда в гастроном завезут колбасу или сосиски, а другой женщине подарить бутылку вина, потому что она работает в универмаге и, если захочет, поможет «достать» более или менее модную кофточку или еще какой дефицит, который могут «выбросить» к концу месяца для выполнения плана. А дома твоя младшая сестренка взахлеб рассказывает о том,

как заходила в гости к однокласснице, только на минуточку, книжку взять, и ее угостили чаем с бутербродом, а колбаса на бутерброде была совсем не такая, как они обычно покупают в магазине, и на вид, и на вкус. «Мама, а почему мы такую колбасу никогда не покупаем? Она же намного вкуснее!» – говорит девятилетняя сестренка, и мама отводит глаза и молчит, потому что нельзя же объяснить ребенку, что в доме ее одноклассницы продукты из спецраспределителя и что вкусная еда положена не всем строителям коммунизма в стране, а лишь отдельным людям, которые, по сути, ничего на самом деле и не строят, а только надувают щеки и ходят с важным видом: следят, чтобы другие люди, попроще, строили этот самый коммунизм правильно, и руководят ими.

Много интересного и неожиданного услышал Артем Фадеев на ежедневных лекциях Галины Александровны: он был единственным, кто ходил постоянно и за все три дня не пропустил ни одного занятия. Картинка повседневной жизни в советской стране в семидесятые годы сложилась достаточно полная, и вот сегодня, читая «Дачников», Артем буквально застыл, дойдя до четвертого действия, до сцены откровений Суслова, отстаивающего свое право быть простым обывателем. Человек, наголодавшийся и наволновавшийся в юности, хочет в зрелые годы сытно есть и ни о чем не беспокоиться. Ему приятно осознание того, что он, пройдя через трудный и полный лишений период, сумел выстроить свою жизнь так, чтобы теперь хватало и на еду, и на комфорт, и на удоволь-

ствия. Теперь он имеет возможность получить то, чего был лишен когда-то. Вроде все правильно, но... Если тезис верен, то человеку должно быть приятно покупать сегодня то, чего раньше он купить не мог. А слоган не работает. Почему?

Вилена дома не было, он по вечерам чаще всего сидит у Уайли. Жаль. Он бы, наверное, объяснил, в чем неувязка и почему не работает слоган, который, по всем прикидкам, должен работать.

Артем улегся на диван, привычно закинув руки за голову и прикрыв глаза. Чем заняться, когда под рукой нет компьютера? Остается только думать, но именно для этого он и приехал. Он, пожалуй, единственный среди участников, кто почти не страдает от невозможности пользоваться интернетом. Нет, нельзя, конечно, сказать, что он легко обходится без привычных возможностей получить информацию или пообщаться, но он же понимает, что это временное затруднение, которым вполне можно пренебречь, потому что есть цель, есть задача, которую нужно решить, а решить ее можно, только полностью погрузившись в обстановку той жизни, которую прожили когда-то те, чье мышление Артему необходимо понять.

Тусоваться с ребятами скучно, с Серегой хоть покурить можно, а с Тимом вообще разговаривать не о чем. В принципе интересно поболтать с Наташей, а остальные Артема ничем не привлекают. Вот если бы Ирина... Но как к ней подойти? Что сказать? Чем заинтересовать? Если бы она при-

ходила на лекции Галины Александровны, было бы проще, на совместных занятиях всегда можно найти повод завязать разговор. Был бы интернет – не было бы проблем: найти сайт фильма или сериала, где Ирина снималась, или группу фанатов, написать восхищенный отзыв... Короче, в Сети найти человека и связаться с ним – ни разу не вопрос, а вот как в реальной жизни наладить контакт с женщиной лет на двадцать старше? Наверное, это всегда было непросто, вот у Власа с Марьей Львовной из тех же «Дачников» ничего не вышло, хотя вроде и она к нему нормально относится, и он влюблен по уши. Марья Львовна считает себя старухой, жалуется на седину, на отсутствие трех зубов, а ведь ей тридцать семь, она старше Власа на двенадцать лет. Ирине за сорок. Значит, разница в возрасте еще больше, и ему, Артему, точно ничего не светит. Или все-таки попытаться? С другой стороны – зачем? Чтобы нарваться на насмешливый отказ, а то и на издевку? Марья Львовна с Власом хотя бы по-человечески говорила, называла голубчиком, милым. Да, она его гонит от себя, просит прекратить признания в любви и уйти, но делает это как-то необидно, без высокомерия. Кроме того, Марья одинока в интимном плане, у нее нет ни любовника, ни кавалера, и Влас мог быть уверен, что ни с кем не конкурирует. А что Артем знает об Ирине? Да ничего, кроме того, что она актриса и у нее вроде бы есть дочка. Может, у нее и муж есть или куча любовников и поклонников и Артем со своими неумелыми ухаживаниями будет выглядеть про-

сто смехотворно. Для него никогда не было проблемой познакомиться с девушкой, делал он это, как и очень многие, не лично, а на сайтах знакомств, и получалось у него легко и достаточно изящно, но все они оказывались скучными и пресными и годились только на то, чтобы переспать. В них не было изюминки, с ними не было интересно, и Артем без сожалений расставался с ними через неделю-другую, а то и быстрее.

Ему казались смешными и нелепыми рассказы друзей-приятелей на тему «увидел – и пропал», он не понимал: что это? Как это? Увидев Ирину месяц назад, наконец понял. Но женщина не выделяла его из общей массы участников, и Артем понимал, что вряд ли сможет быть ей хоть чем-нибудь интересен. Что он может ей предложить? Большие деньги? Нет. Внешность? Тоже нет. Связи и возможности? И этим он не располагает.

Но почему же все-таки не работает посыл «купи и не будь лузером»?

Мысль зашла в тупик. Нужно с кем-нибудь поговорить, чтобы дать себе новый толчок. С кем-нибудь из старших, кто жил в семидесятые. Как ни соблазнительно было попробовать обратиться к Ирине, но для данной задачи она не годилась: слишком молода, и в семидесятые была еще ребенком.

Артем посмотрел на часы: начало одиннадцатого, звонить уже нельзя, их предупреждали, что после десяти вечера звонить по телефону разрешается только в суперэкстренных

случаях или если о таком звонке заранее договаривались. «Людам рано утром вставать на работу, а ты своим звонком перебудишь всю квартиру, – объяснял Вилен. – Кроме того, после программы «Время» обычно по телевизору показывали то, что многим интересно. Спортивные соревнования, например, фигурное катание, хоккей, футбол, или хорошие концерты, или фильмы. Люди смотрят, а тут ты со своим звонком...» Ну да, Артем понимал, что на паузу не поставишь, и вечерний звонок по телефону был бы сорок лет назад мешающим и неуместным. Люди либо таращатся в телик, либо уже спят. С мобильными телефонами этой проблемы нет, она решается при помощи виброзвонка или текстовых сообщений. Совсем другой была система контактов между людьми в те годы, совсем...

Он решил выйти на улицу и посмотреть на окна: в каких горит свет? Конечно, еще светло, но в помещении читать без электричества уже трудновато, и таким нехитрым способом он надеялся определить, кому еще прилично позвонить.

Артем распахнул дверь подъезда и тут же наткнулся на Наташу, Марину и Назара Захаровича, стоящих справа, под окном Галины Александровны. В окне виднелись две головы: профессора и доктора Качурина. Хорошенькая Маринка стояла у самой стены дома, положив ладонь на подоконник, а Наташа и Назар перебрасывались непонятными Артему фразами:

– В Останкино, где «Титан» кино...

– Там работает она билетершею...

– На дверях она стоит, вся замерзшая...

– Вся замерзшая, вся продрогшая...

– Но любовь свою превозмогшая...

– Вся озябшая, вся застывшая...

– Но не продавшая и не простившая...

О чем это они? На ходу стихи сочиняют, что ли?

– Две ошибки, – объявила Галина Александровна. – Не «озябшая», а «иззябшая», и не «застывшая», а «простывшая».

Доктор Качурин тут же сделал какую-то пометку в блокноте.

– Пока счет ровный, – сказал он. – У Назара Захаровича по одной ошибке в двух предыдущих стихах, у Наташи две в последнем.

– Что это у вас? – удивленно спросил Артем. – Конкурс, что ли?

– Соревнование у нас, сынок, – улыбаясь, пояснил Назар Захарович. – Мы тут старые песенки вспоминаем, под которые наша с Галиной Александровной молодость прошла, вот и Наташенька их тоже любит и хорошо знает. Видишь, вечернее развлечение себе придумали, уже второй день балуемся. Сегодня мы соревнуемся по Галичу. Я строчку – Наташа строчку, Галина Александровна следит за точностью, а Эдуард Константинович фиксирует очки, ведет счет.

Артем посмотрел на Марину, стоящую молча. Вид у нее

был странный.

– А ты что делаешь? – спросил он. – Какая у тебя функция?

– А я болею, как положено на соревнованиях.

– За кого? За Наталью?

– За Назара Захаровича, – ответила Марина, и Артему показалось, что голос у нее стал каким-то не то загадочным, не то немножко неуверенным.

– Ладно, тогда я буду за Наташу болеть, – сказал Артем, – чтобы все было по справедливости.

– Вот это правильно, сынок, – одобрительно отозвался Назар Захарович. – Без группы поддержки соревноваться тяжело. Ну, профессор, назначай следующее испытание. Что берем?

Галина Александровна задумалась на несколько секунд.

– Давайте «Старательский вальсок». Потянете?

Назар Захарович вопросительно поглядел на Наташу, та кивнула и сразу начала:

– Мы давно называемся взрослыми...

– И не платим мальчишеству дань, – подхватил Назар.

В первый момент Артем подумал, что стихи скучные. Наверное, про то, как повзрослевшие люди с доброй улыбкой вспоминают свои детские мечты и романтические устремления. Но уже к концу первого куплета он насторожился: песня была явно не о том. Более того, ему показалось, что в голове проскочил едва уловимый сигнал: нащупано что-то очень

важное, и сейчас главное – не упустить момент, чтобы направить мысль в нужном направлении.

– Но поскольку молчание – золото...

– То и мы, безусловно, старатели.

– Промолчи – попадешь в богачи...

– Промолчи, промолчи, промолчи...

Теперь Артем слушал внимательно и напряженно.

– А молчаливники вышли в начальники...

– Потому что молчание – золото...

– Промолчи – попадешь в первачи...

– Промолчи, промолчи, промолчи...

Первачи... Кто это такие? Надо будет у Галины спросить.

А старик и девушка уже мчались дальше вдоль следующего куплета:

– Пусть другие кричат от отчаянья...

– От обиды, от боли, от голода...

– Мы-то знаем: доходней молчание...

– Потому что молчание – золото!

Артем дослушал до конца, потом Галина Александровна подвела итог.

– Одна ошибка точно у Наташи, две у Назара Захаровича, но вариативные и потому допустимые.

– Не понял, – нахмурился Артем. – Как вы определяете допустимость ошибок?

– Видите ли, у этих песен обычно не бывает канонического текста. Вы – дитя свободы и технического прогресса, вам

это трудно понять. Сегодня почти все исполнители записывают песню в студии, эта запись крутится по радио, размещается в интернете, используется в качестве фонограммы на концертах, потому что вживую мало кто теперь поет, единицы. И все слышат один и тот же вариант с одним и тем же текстом. Галич, Кукин, Клячкин, Высоцкий и огромное множество других авторов не могли в то время ни записать свои песни в студии, ни издать в сборнике. Это был андерграунд. Песни исполнялись на так называемых квартирниках или на подпольных концертах, фанаты записывали эти выступления на магнитофоны, потом копировали и размножали записи. Тексты тоже перепечатывали на машинке, на тонкой плохой бумаге, чтобы через копирку побольше копий пробилось за один раз. Но ведь автор пел свои песни не по бумажке, а по памяти, и всегда одно исполнение отличалось от другого. Например, в одном случае Галич пел: «Отвези меня, шофер, в Останкино», а в другом: «Отвези-ка меня, шеф...» Понимаете? Записи расходятся, люди слушают и запоминают разные варианты. Такие расхождения я считаю вариативными, и если то, что я помню, не совпадает с тем, что говорят Назар Захарович или Наташа, это не будет ошибкой. А вот «вся озябшая» вместо «вся иззябшая» – это совершенно точно ошибка и с точки зрения русского языка, и с точки зрения поэтики.

- Теперь понял, – кивнул Артем. – А кто такие первачи?
- Ну что ты пристал, – капризно протянула Марина. – Тут

соревнование, а ты с вопросами лезешь! Потом спросишь, не мешай.

— А мы уже закончили, — сказал Назар Захарович. — Доктор, огласите приговор!

— Три — два, выиграл Назар Захарович, — объявил Качурин.

— Как и вчера, — вздохнула Наташа. — Мне дядю Назара никогда не победить.

Но Марина неожиданно запротестовала:

— Как — закончили? Почему так мало? Вы же только начали!

— Мы договаривались на пять песен, — строго ответил Назар.

Маринка расстроилась так очевидно, что Артему стало смешно.

— Разве вы уже все пять проговорили? Эдуард Константинович, вы проверьте по записям, не может быть, чтобы пять, — растерянно бормотала она.

Качурин очень серьезно, без малейшего намека на улыбку, посмотрел в блокнот:

— Первая — чисто, вторая — одна ошибка у Назара Захаровича, третья — одна у него же, четвертая — две у Наташи, пятая — одна у Наташи.

— Ну вот...

Артему показалось, что Маринка чуть не плачет. Чего это она? Неужели ей так интересно слушать старые стихи, кото-

рые когда-то были песнями? Или тут что-то другое?

– Друзья, а давайте выпьем чаю, – вдруг предложила Галина Александровна. – И мы с Назаром Захаровичем расскажем Артему, кто такие первачи. Когда вы на улице, а я в квартире, получается, что я вещаю, как королевская особа с балкона или как красна девица из терема.

– Я – за! – тут же радостно откликнулась Маринка.

– Наверное, неудобно, поздно уже, – смущенно проговорила Наташа.

Артем решительно взял ее за предплечье.

– Раз хозяйка приглашает, значит, не поздно и удобно. Пошли.

За чаем засиделись за полночь. Назар Захарович строго проверил, все ли участники предупредили своих кураторов, где находятся. Надежда Павловна и Полина Викторовна были проинформированы, что девочки вместе с Назаром ушли на соревнование, а вот Артем не предупредил Вилену, он же собирался выйти только на минутку, посмотреть, у кого в окнах свет, а потом вернуться в квартиру и позвонить...

– А ты знаешь, где Вилен сейчас? – спросила Галина Александровна.

– Да как обычно, в бо... – Артем запнулся и чуть было не проговорился, – у Ричарда.

– Ладно, договаривай, – усмехнулся Назар Захарович, – в богадельне. Думаешь, мы не знаем, как вы, молодежь, наш пятый этаж называете? Но это не дело, если родители в один-

надцать вечера не знают, где ребенок. И нечего на меня так смотреть. До тех пор, пока ты живешь с родителями под одной крышей, ты – ребенок, независимо от того, сколько тебе лет, и родители всегда волнуются, если не знают, где ты. Сходи к себе, оставь записку Вилену. Или в богадельню позвони.

Артем поднялся к себе на третий этаж. Квартира пуста. Он вырвал из блокнота листок, написал записку и вернулся к Галине Александровне, вспоминая, как ссорился с матерью, отстаивая собственное право не ставить родителей в известность о своих планах и о том, куда и когда он собирается уходить и когда вернется. «Если ты захочешь знать, где я, ты в любой момент можешь позвонить и спросить, я не имею привычки выключать мобильник», – говорил он и не понимал, почему такая простая вещь не устраивает маму.

Он и Назару собирался ответить точно так же, мол, если Вилен будет беспокоиться, он позвонит, но вовремя осекся. Куда он позвонит? Кому? Начнет поздним вечером обзванивать всех знакомых подряд и спрашивать, не знают ли они, где Артем? Бред. А ведь в те давние времена, наверное, так и поступали... Оставить записку с предупреждением... Такое ему, Артему, даже в голову не пришло бы. Сейчас никто записок не пишет. Мобильные телефоны появились, когда матери было двадцать пять, она выросла в тот период, когда не вернувшихся вовремя загулявших детей ждали, искали, потом, наверное, долго ругали. И она со всем своим воспита-

нием, с молоком матери впитала неистребимую потребность каждую минуту знать, где находится ее сын. Может, не стоит так злиться на нее за это? Если Артем не может понять маму, родившуюся в семидесятом году, то она точно так же не может понять его, выросшего в эпоху мобильной связи и интернета.

Рассказы Галины и Назара о первачах слушали только Артем и Наташа. Доктор Качурин сидел с задумчивым видом, углубившись в какие-то свои мысли. Наверное, ему неинтересно, а может быть, он и сам всё это знает. Маринка, пристроившись рядом с доктором, тоже молчала, и по выражению ее лица Артем отчетливо понял, что она не слушает про первачей, но при этом ей не скучно. Оказалось, что первачи – это не те, кто на самом деле лучший, а те, кого назначили быть «первым». Первые секретари (в отличие от вторых и третьих) райкомов, горкомов и обкомов партии или комсомола. Начальники, руководители. И даже актеры назывались первачами, если их особенно любили режиссеры: таким актерам во время гастролей или съемочных экспедиций доставались самые лучшие номера в гостиницах и предоставлялось самое лучшее обслуживание. Можно было написать безумно талантливое стихотворение, даже гениальное, и вся страна от мала до велика будет знать его наизусть, но первачом это поэта не сделает. Первачом он сможет стать только тогда, когда похвалят в газете «Правда» или на съезде Союза писателей. Иными словами – назначат «первым», то есть

«правильным». Вот тогда начнутся путевки в Дома творчества, дача в Переделкине, творческие командировки за границу, талоны в двухсотую секцию ГУМа и прочие радости. И вот тогда ты – первач! Не похвалят, не отметят – ничего этого не будет, хоть этот поэт во сто крат талантливее всех его коллег по перу, вместе взятых. Каждый понимал: правду говорить нельзя, нужно изо всех сил прославлять советскую власть, чтобы заметили, отметили и похвалили. Одно неверное или даже просто сомнительное слово – и не быть тебе первачом. Нет, с землей, может, и не сровняют, и даже с работы не уволят, но удобств, комфорта, хороших продуктов и красивой одежды тебе не видать. И о зарубежных поездках можешь забыть. Будешь жить как все. Врать, молчать, притворяться, высиживать на постылых собраниях и политических информационных, доставать, искать блат, часами стоять в длинных очередях, списывать у знакомой рецепты супа, который можно приготовить без мяса, на одном плавленом сырке, и слушать, раскрыв рот, пересказ кинофильма, который смотрел сослуживец знакомого, случайно, по большому везению прорвавшийся на закрытый просмотр в Дом кино или в Дом журналиста. Еще, как рассказывала Галина Александровна, были совсем особенные очереди, не такие, в которые можно просто встать, проходя мимо магазина и увидев, что «выбросили дефицит». В эти особенные очереди нужно было еще суметь «попасть», и тянулись они годами. Очереди на получение квартиры, очереди на автомобиль, на ковер, на кухон-

ный гарнитур, мебельную стенку, цветной телевизор... Как же это все унижительно!

А потом пришли 1990-е годы, и для многих вдруг оказалось, что все было напрасно. Напрасно тянул лямку на нелюбимой работе, молчал, одобрял, правильно голосовал, пряча подальше совесть, делал вид, терпел неудобства и унижения и снова молчал, потому что ждал квартиру, или машину, или повышения в должности, чтобы пенсия была побольше – такая, на которую можно не только самому достойно встретить старость, но и детям, и внукам хоть немного помогать. Все было напрасно. Потому что все рухнуло. Накопления на сберкнижке, сделанные за всю трудовую жизнь, сгорели. Очереди отменили, жилье давать перестали. Цены растут, а зарплаты не выплачивают. Твое образование никому не нужно, твоя профессия не востребована, потому что твой завод обнищал и закрылся, а вся отрасль производства уже дышит на ладан, не выдерживая конкуренции с импортом.

И вот в этом моменте, как казалось Артему, и кроется ответ на вопрос: почему не работает слоган. В «Дачниках» Суслов говорит о трудной юности и преодолении. Применительно к людям, жившим в советскую эпоху, речь идет о трудной молодости и унижении. «Преодоление» – существительное с положительным знаком, «унижение» же несет в себе заряд, безусловно, отрицательный. Когда человеку в возрасте «пятьдесят плюс» напомнить о том, что у него когда-то чего-то не было, в его голове автоматически всплывают и чув-

ство унижения, и растерянность перелома 1990-х. Он не говорит себе, как Суслов: «Ах, какой я молодец, сумел все преодолеть и теперь живу сытно, удобно, не так, как раньше». Нет, он говорит: «Я не хочу об этом вспоминать, мне неприятно думать о том, как я врал, притворялся и унижался».

Ему вдруг вспомнилась игра в урок литературы, на котором Ирина исполняла роль ученицы. Получается, ложь и притворство окружали человека уже в школьные годы... Интересно, будут ли еще такие «уроки»? Может быть, они дадут Артему какую-нибудь почву для налаживания контакта с Ириной.

– Ричард пока уроки не планирует, но в любой момент может передумать, – сказала Галина Александровна. – А что, тебе понравилось? Хочешь повторить?

– Если честно, это было ужасно, – признался Артем. – Но очень познавательно. Даже не верится, неужели так и в самом деле могло быть? Или диалоги все-таки сильно приукрашены?

Профессор вздохнула.

– Диалоги для игры на отборочном туре мы придумывали, конечно, сами, но не на пустом месте. Могу рассказать одну историю из жизни, она имела место в школе, где училась моя двоюродная сестра. Хорошая московская школа, английская, но не привилегированная, как та, в которой учился Володя Лагутин, а обычная, районная. Работал в ней прекрасный учитель литературы, новатор, творческий

человек, пытавшийся научить подростков мыслить самостоятельно, а не повторять написанное в учебнике. На него написали донос в ЦК, якобы он занимается на уроках антисоветской пропагандой. Начались визиты проверяющих из ЦК и из управления народного образования. Потихоньку, тайком, опросили десятерых ребят, учеников этого педагога, задали вопрос: «Кто твой любимый писатель?» Надеялись, вероятно, что подросток по неосторожности назовет Пастернака, Булгакова или еще кого-нибудь, кто был в немилости. Восемь человек назвали Пушкина, двое других Лермонтова и Толстого. Казалось бы, торжество справедливости? А вот и нет.

– Как же так? – изумился Артем. – Пушкина нельзя было любить? Или я чего-то не знаю?

– Проверяющие докладывали на педсовете: учитель не прививает ученикам любовь к советской литературе, у детей все любимые писатели оказались русскими, дореволюционными, значит, виноват учитель, не соблюдает и не разъясняет на уроках принцип партийности советской литературы.

Глаза Наташи расширились, и только сейчас Артем заметил, какие они огромные и синие.

– Какой ужас, – почти прошептала она. – Неужели это всерьез? Неужели так и вправду было? В это невозможно поверить.

– И тем не менее было именно так. Мама моей кузины работала учителем химии в этой школе и присутствовала на

том самом педсовете, так что все сведения получены из первых рук.

— А что потом стало с этим учителем? Удалось ему отбиться от проверок? — с интересом спросил Артем.

— Съели учителя, — грустно ответила профессор. — Не дали работать. А жаль. Талантливый был человек, и в детях талант умел пробудить. Сестра как раз у него училась, так что ситуация разворачивалась, можно сказать, у меня на глазах. Кстати, она была одной из тех восьмерых, кого тайком опрашивали и кто назвал Пушкина.

Вернувшись от Галины Александровны, Артем застал Вилену в постели с книгой в руках. Они проговорили почти два часа, потом Артем ушел к себе в комнату, лег, но заснуть смог только за час до звонка будильника. Вилен многое скорректировал в его рассуждениях, и к утру Артем Фадеев был уверен, что нашел решение задачи. Цель достигнута, и можно смело бросать квест и уезжать.

Правда, если он уедет, то больше не увидит Ирину. Ну и что? Все равно они только здороваются, а поговорить с ней удалось лишь во время комсомольского собрания, где она играет роль секретаря комсомольской организации института. Таких собраний, как обещали организаторы, будет несколько, но все равно шансов на успех мало. Между ними ничего не может быть, и Артему нужно просто собрать себя в кулак и перетерпеть.

Записки молодого учителя

«ДАЧНИКИ»

Пьесе «Дачники» в учебнике отведено совсем немного места: если пьесе «На дне» посвящено целых четыре страницы текста, то «Дачникам» – всего полстранички, да и то львиную долю объема занимает цитирование стихотворения Власа, а также высказывания самого Горького о сути пьесы, правда, без ссылки на первоисточник, так что невозможно проверить, действительно ли Алексей Максимович такие слова написал.

И снова мне приходится не соглашаться с учебником! Хотя должен признать, что по мере составления этих «Записок» я постепенно учусь делать это деликатно и неявно. Учебник провозглашает «правильными интеллигентами» Марию Львовну, Власа, Соню и Зими́на, всех прочих персонажей записывая в «омещанившихся обывателей, которые заботятся только о своем покое и благополучии». «Эти люди, – говорится в учебнике, – чувствуют страх перед жизнью, стремятся спрятаться от суровой действительности, они – дачники в своей стране». Как говорится, не смею спорить... Все так и есть. Причем не только тогда, на рубеже веков, но и сейчас, после шестидесяти с лишком лет непрерывного строительства светлого будущего. Взять хотя бы мою се-

мью со всеми благами, дачами, персональными автомобилями с водителями, продуктовыми пайками из горкомовских и исполкомовских распределителей, «белыми списками» для покупки дефицитных книг, связями и знакомствами... Никогда не поверю, что отец с матерью ни сном ни духом не ведают, как живут другие люди, не допущенные к кормушке. Не поверю, что они не знают об отвратительном качестве товаров, произведенных на советских заводах и фабриках, о том, что товары эти неконкурентоспособны и люди не хотят их покупать, но вынуждены делать это, потому что никаких других товаров просто нет. Мои родители отлично осведомлены и об истинном положении дел, и о том, что все громкие слова о выполнении и перевыполнении планов и о том, что «советское – значит отличное!», есть не что иное, как огромная и всем надоевшая ложь. И что же? Они не захотели жить как все, носить то, что продается в советских универмагах, и есть продукты, которые наличествуют на прилавках, они спокойно и удобненько спрятались от суровой действительности. Они – точно такие же дачники в своей стране, как и те, кого Горький «всеми силами души презирал» (как гласит учебник). Только теперь, во второй половине двадцатого века, мои родители отнюдь не презренные, а очень даже уважаемые люди, светоч и маяк для рядовых граждан. Вот такие странные метаморфозы.

Влас из «Дачников» мне, кстати, очень понравился, но все не по тем причинам, которые предлагает нам школьный

учебник. Мою симпатию он завоевал уже тем, что стал жертвой родительских амбиций – учился там, где велел отец, и в результате приобрел не знания, а одно только отвращение к наукам. Как мне это понятно! А дальше, во время разговора с Марьей Львовной, Влас произносит слова, сделавшие его не только понятным мне, но и близким, своим: «Тошно мне, Марья Львовна, нелепо мне... У меня голова засорена каким-то хламом... Мне хочется стонать, ругаться, жаловаться... Я, кажется, начну пить водку, черт побери! Я не могу, не умею жить среди них иначе, чем они живут... и это меня уродует...» И затем: «Вы не поверите – порой так хочется крикнуть всем что-то злое, резкое, оскорбительное...» Вот и я точно такой же Влас, от ногтей до волос. С той лишь разницей, что ему пока еще только «кажется», а мне уже ничего не кажется; свой рубеж я переступил. А ведь мы с Власом ровесники, ему, как и мне, 25 лет... Акселерация, наверное.

Однако самыми для меня интересными персонажами в «Дачниках» стали Рюмин и писатель Шалимов, в учебнике и вовсе не упомянутые. Начну с Якова Шалимова, писателя, приехавшего к старому приятелю на дачу отдохнуть от светской суеты, собраться с мыслями. Шалимов находится в том состоянии, которое, наверное, как раз и называется творческим кризисом: «Ничего я не пишу... И какого черта тут напишешь, когда совершенно ничего понять нельзя? Люди какие-то запутанные, скользкие, неуловимые... Но – надо кушать, значит, надо писать. А для кого? Не понимаю... Лет

пять назад я был уверен, что знаю читателя... и знаю, чего он хочет от меня... И вдруг, незаметно для себя, потерял я его... это чужие мне люди, не любят они меня. Не нужен я им... как латинский язык... Стар я для них... и все мои мысли — старые...» На этих строках слезы наворачиваются на глаза, и я снова вспоминаю «Мещан»: вот человек, молодой и полный сил, делает то, что ему интересно, нравится, получается, делает из года в год, наслаждается результатами своего труда, и вдруг оказывается, что выросло новое поколение, которому результат твоего искреннего и увлеченного труда не нужен, не привлекателен, не востребован. И человек теряется и перестает понимать, как и для чего ему трудиться дальше, если то единственное, что он любит и умеет делать и что кормило его много лет, становится никому не нужным. К Шалимову в этой сцене я испытываю такую же острую щемящую жалость, как и к Петру Артамонову из «Дела Артамоновых», и к Бессеменову из «Мещан». Новое поколение хочет жить по новым законам, старое поколение выбрасывается на свалку за ненадобностью. Жестокий закон!

И еще один закон, не менее, наверное, жестокий: писатель в нашей стране «всем должен». Великолепные сцены сперва Басова с Марьей Львовной, а затем Шалимова с Варварой Михайловной выпукло рисуют нагло-потребительское отношение людей к литераторам, особенно популярным, известным. Басов, на дачу к которому приехал отдохнуть и перевести дух Шалимов, старается защитить давнего приятеля

от нападок и завышенных требований: «Нельзя же так, уважаемая! По-вашему выходит, что если писатель, то уж это непременно какой-то эдакий... герой, что ли? Ведь это, знаете, не всякому писателю удобно». На что Марья Львовна категорично заявляет: «Мы должны всегда повышать наши требования к жизни и людям». И далее: «Но мы живем в стране, где только писатель может быть глашатаем правды, беспристрастным судьей пороков своего народа и борцом за его интересы... Только он может быть таким, и таким должен быть русский писатель...» И продолжает после ответной реплики Басова: «Я этого не вижу в вашем друге, не вижу, нет! Чего он хочет? Чего ищет? Где его ненависть? Его любовь? Его правда? Кто он: друг мой? Враг? Я этого не понимаю...»

В этом коротком диалоге Марьи Львовны с Басовым есть и простор для моих собственных размышлений, и тема для обсуждения с учениками. На уроке можно было бы предложить ребятам поговорить о том, обязательно ли в литературном произведении должны быть ненависть, любовь и правда. И обязательно ли писателю быть «героем» и «глашатаем», непременно ли нужно «обличать пороки», чтобы произведение стало интересным читателю и любимым.

Более тонкий вопрос о позиции Марьи Львовны я ученикам, конечно, предложить не осмелюсь, но сам для себя его обдумываю. Обращу снова внимание на ее слова: «Кто он: друг мой? Враг? Я этого не понимаю...» Реплика произносится, вероятнее всего, с раздражением и негодованием.

Авторской ремарки об интонации в тексте Горького нет, но есть указание на движение: на словах «Я этого не вижу в вашем друге» Марья Львовна сходит с террасы, после «Я этого не понимаю...» быстро уходит за угол дачи. Таким образом, описание движения ясно показывает: разговор вызывает у Марьи Львовны негативные эмоции, и быстрый уход за угол в данном случае, я уверен, равносильен хлопанью дверьми. Что же получается? Во всей сцене видно, как Марья Львовна давит на Басова, не давая ему возможности обдумать и развернуть аргументацию, а ведь Басов – адвокат, человек, привыкший к устному изложению мыслей, обладающий быстрой реакцией и не лезущий за словом в карман. Какой же силы должно быть это давление, чтобы растерялся даже такой персонаж, как адвокат Басов? В этом месте Марья Львовна начинает вызывать неприязнь, во всяком случае, у меня. Очень сильно вся сцена напомнила мне многочисленные комсомольские собрания, на которых пришлось высиживать в последние десять лет... Но вернемся к Марье Львовне. Она, видите ли, не понимает, друг ей писатель или враг. И виноват в этом, разумеется, сам писатель. Забавно. Здесь предметом для внутренних размышлений являются два аспекта. Первый: почему каждого человека нужно непременно записать в друзья или во враги? Так ли уж это необходимо? И если человек испытывает потребность в классификации окружающих, в ранжировании, то почему только два класса, два ранга? Кто и где сказал, что их должно быть два, а не три,

не десять, не сто? Это что, такое своеобразное преломление постулата о единстве и борьбе противоположностей? Да, для каждой прямой противоположностей две, это правда. Но кто и, опять же, где сказал, что жизнь и душа человека – всего лишь прямая линия? Возьмите любую окружность: у каждого конкретного диаметра есть две противолежащие точки на окружности, но сколько их, этих диаметров, проходящих через один и тот же центр одного и того же круга? Вот именно! Однако ж Марья Львовна непоколебимо убеждена, что из каждого писателя надобно сотворить либо друга себе, либо врага. Дальше – больше: при невозможности навесить на писателя ярлык у Марьи Львовны и всех ей подобных возникают обида и негодование. Она, видите ли, не понимает. Не понимает! Как хорошо: не понимает «она», а претензии предъявляются к «писателю», он виноват. В одной реплике Марьи Львовны показана целая типичная философия, уж не знаю, русского ли человека или человека вообще: стремление найти того, кто виноват, сбиться в стаю (то есть объединиться с друзьями) и обозначить врага как объект совместной с друзьями травли.

Несчастный Шалимов, как выяснилось, виноват во всем и перед всеми, и не только перед Марьей Львовной, но и перед Варварой Михайловной, которая когда-то семнадцатилетней девушкой увидела писателя Шалимова на литературных чтениях и влюбилась. Разумеется, платонически: «Как я любила вас, когда читала ваши книги... как я ждала вас!

Вы мне казались таким... светлым, все понимающим... Таким вы показались мне, когда однажды читали на литературном вечере... мне было тогда семнадцать лет... и с той поры до встречи с вами ваш образ жил в памяти моей, как звезда, яркий... как звезда! ...Задыхаясь от пошлости, я представляла себе вас – и мне было легче... была какая-то надежда... И вот вы явились... такой же, как все! Такой же... Это больно!» Каково, а? Дамочка сама себе что-то там напридумывала, сама создала образ, сама влюбилась, а когда выяснилось, что живой, реальный человек на этот выдуманный образ совсем не похож, предъявляет ему же претензии, дескать, он виноват, какой негодяй, не оправдал ожиданий. Иными словами, Варвара Михайловна, как и Марья Львовна, отрицает право другого человека быть самим собой и жить собственной жизнью, собственными интересами, считаться с собственными потребностями. Считаться можно и нужно только с потребностями окружающих, в особенности – читателей, конкретно – вышеуказанных двух дам, одна из которых, между прочим, провозглашается школьным учебником «представителем передовой интеллигенции», борющейся за лучшую жизнь пролетариата и крестьянства. Может, именно поэтому после революции так широко распространилось умение по любому поводу искать виноватых и записывать во враги... Передовая дореволюционная интеллигенция сначала возглавила революцию, а потом навязала молодой республике свой образ мышления.

У Варвары Михайловны есть еще одна претензия к Шалимову: почему он не учит людей жить лучше? Он же писатель, он должен, обязан! Шалимов, человек умный, тонкий и честный, объясняет ей, что в нем «нет самонадеянности учителей», он «чужой человек, одинокий созерцатель жизни», он не умеет «говорить громко». Сперва он и в самом деле пытается что-то объяснить Варваре Михайловне, достучаться до нее, заставить услышать свои искренние слова, но... Тупое стремление Варвары назначить его виноватым заставляет Шалимова почти сорваться: «Почему вы применяете ко мне иные требования... иные мерки, чем вообще к людям?.. Вы все... живете так, как вам нравится, а я, потому что я писатель, должен жить как вы хотите!» Со словами Шалимова трудно не согласиться. К писателям, увы, в нашей стране относятся именно так. И эту тему, только в очень аккуратной формулировке, тоже можно было бы вынести в класс на обсуждение.

Вообще-то в этом месте мне даже стало стыдно, я ведь и сам грешил подобным отношением к писателям. Что поделал, нас так воспитывали школьные учебники, ибо живых настоящих писателей я в глаза не видел, кроме как на телеэкране, когда они произносили какие-то правильные мутные славословия на очередных съездах либо партии, либо Союза писателей.

Но самым любимым моим персонажем в «Дачниках» является Рюмин, безответно влюбленный в Варвару Михай-

ловну, замужнюю даму, супругу адвоката Басова. Главное достоинство Рюмина в моих глазах состоит в том, что он не приемлет косности и нетерпимости. В сцене Рюмина с Варварой Михайловной и Марьей Львовной в первом действии интересный и важный разговор о том, до какой степени нужно говорить правду детям, перерастает в не менее важную дискуссию о праве человека желать обмана. Рюмин считает, что такое право есть, и готов его отстаивать, дамы же его не поддерживают и возражают. Рюмин настаивает на том, что человек, видя вокруг себя грязь, пошлость, грубость и гадость, не может уничтожить противоречия жизни, не может изгнать из нее зло и грязь, но должен хотя бы иметь право отвернуться и не смотреть ежечасно и ежеминутно на эту печальную картину. «Я только против этих... обнажений... этих неумных, ненужных попыток сорвать с жизни красивые одежды поэзии, которая скрывает ее грубые, часто уродливые формы... Нужно украшать жизнь! Нужно приготовить для нее новые одежды, прежде чем сбросить старые...» И далее: «Человек хочет забвения, отдыха... мира хочет человек!» Марья Львовна такого человека, желающего отдыха и мира, тут же презрительно именует «обанкротившимся», а Варвара Михайловна удивляется тому, что еще два года назад у Рюмина была другая точка зрения. Вот в этом месте я долго смеялся! Ладно бы речь шла о пяти минутах или, в крайнем случае, нескольких часах, в течение которых человек кардинально поменял свою позицию, свои взгляды и

принципы, но два года! То есть чудесная Варвара, предмет безответной любви Рюмина, не меняется и не развивается сама, застыла в своих семнадцати годах (а сейчас ей уже целых 27!) и не признает права других людей на изменения и развитие: «Я помню, года два тому назад вы говорили совсем другое... и так же искренно... так же горячо...» – укоряет она Рюмина, и тот отвечает: «Растет человек, и растет мысль его!» Марья Львовна и тут не удерживается от сарказма: «Она мечется, как испуганная летучая мышь, эта маленькая, темная мысль!» Рюмин, волнуясь, возражает: «Она поднимается спиралью, но она поднимается все выше!» В этом коротком быстром обмене репликами все трое как на ладони: Варвара с непониманием того, как можно вообще менять свое мнение и свои оценки; Марья Львовна с традиционным лозунгом: «Все, с чем лично я не согласна, заведомо плохо и неприемлемо» и со стремлением оскорбить и унижить то, что непонятно или не нравится; Рюмин со своим искренним желанием душевного покоя и готовностью к изменениям, переосмыслениям и переоценкам. Ну и кто из троих наиболее симпатичен? Кстати, чуть позже Рюмин скажет о Марье Львовне, что она «в высокой степени обладает жестокостью верующих... слепой и холодной жестокостью...» Отличные слова! Хотелось бы знать, можно ли применять их к тем нашим современникам, которые уверяют, что верят в коммунизм. И опять вспомнились наши комсомольские собрания...

В следующем действии Рюмин снова повторит свою оценку Марьи Львовны: «Люди этого типа преступно нетерпимы... Почему они полагают, что все должны принимать их верования?» Нетерпимость – преступна. Хорошая тема для дискуссии с учениками. Но следует проявить аккуратность, чтобы слова о преступной нетерпимости никоим образом не соединились с революционными устремлениями Марьи Львовны, ее дочери Сони и поклонника Сони, Зимина. Иначе не сносить мне головы... Порой я забываю, что пишу всего лишь полухудожественные-полумечтательные очерки, и начинаю мыслить как настоящий учитель, готовящийся к настоящему уроку литературы с настоящими школьниками и в настоящей советской школе. Я ухожу от действительности в вымысел в наивных попытках отвернуться и не видеть грязь и пошлость окружающей меня действительности. Я – Рюмин, я – Рюмин, я – Рюмин...

И еще одно забавное наблюдение, которым я не могу не поделиться. Но сперва напомним: согласно школьному учебнику, проповедник «сладкой лжи» Лука из пьесы «На дне» кругом неправ, а Сатин, защитник «горькой правды», – глашатай авторской позиции, сиречь истины в последней инстанции. Давайте вспомним о любопытной «биологической» концепции Луки, касающейся смысла жизни человека, казалось бы, никчемного и бессмысленного, согласно которой смысл может состоять в том, что когда-нибудь потомок этого ненужного человечка принесет огромное благо обществу

и цивилизации. А вот диалог Рюмина все с той же Марьей Львовной: Рюмин утверждает, что людей, испуганных жизнью, очень много, потому что жизнь ужасна и в ней все строго предопределено, и только бытие человека случайно, бессмысленно, бесцельно; а Марья Львовна в ответ на это говорит... Угадайте – что? Цитирую: «А вы постарайтесь возвести случайный факт вашего бытия на степень общественной необходимости, – вот ваша жизнь и получит смысл...» Ничего не напоминает? И как же так вышло, что носители одной и той же мысли в разных произведениях получают разную оценку в учебнике? Лука вроде как неправ, ибо коль он неправ в вопросе о правде и лжи, то уж неправ тотально и во всем, у нас же так не бывает, чтобы человек был прав в одном и неправ в другом. Стоит кому-то высказать одну-единственную мысль, которая кому-то покажется верной и полезной, автора мысли немедленно возводят в ранг классика, гения и кумира, и тут уж любой его пук и чих становятся объектами самого подобострастного анализа с заранее предопределенным выводом: это гениально! Если же мысль по вкусу не пришлась, то человек записывается в вечные и непримиримые враги, и все, что он когда бы то ни было говорил или писал, объявляется неправильным и вредным. Вот не повезло бедному Луке! Зато Марья Львовна – олицетворение всего лучшего и передового в русской дореволюционной интеллигенции, и каждое ее слово – бриллиант истины. Если уж Лука неправ в вопросах правды и лжи, то, стало быть, и био-

логическая теория его вредна и порочна, но когда то же самое произносит положительная Марья Львовна, становится трудновато придумать трактовку, которая годилась бы для школьного учебника.

Рюмин симпатичен мне не только готовностью к переменам и нетерпимостью к нетерпимости, но и желанием свободы мысли и чувства. Он не выносит, когда ему пытаются навязать что-то со стороны, он хочет сам все прочувствовать, передумать и прийти к собственным выводам, пусть даже неправильным, но своим. «Когда я слышу, как люди определяют смысл жизни, мне кажется, что кто-то грубый, сильный обнимает меня жесткими объятиями и давит, хочет изуродовать...» Эти слова очень мне близки. В таких грубых жестких объятиях я задыхаюсь все 25 лет своей жизни.

Совершенно потрясла меня сцена объяснения Рюмина с Варварой Михайловной, когда он решился открыть ей свои чувства. Варвара ответить на них не может, она не испытывает к Рюмину ничего, кроме дружеской симпатии, иными словами – она не оправдывает его надежд и ожиданий. И что же? «На ваше отношение ко мне я возложил все надежды, – говорит Рюмин. – А вот теперь их нет – и нет жизни для меня...» И Варвара на голубом глазу отвечает: «Не надо говорить так! Не надо делать мне больно... Разве я виновата?» Вот так, мои дорогие. Когда Шалимов не оправдал надежд Варвары, он был немедленно назначен ею виноватым. А когда надежд не оправдала сама Варвара, то она ни в чем не ви-

новата, белая и пушистая. Пожалуй, эта дама вызывает у меня самое большое отвращение среди всех персонажей пьесы. Даже Марья Львовна – и та лучше! Она упрямая, негибкая, не особенно умная, но у нее хотя бы одна мерка для всех и для себя самой в том числе, то есть она искренняя. А Варвара...

Но этот эпизод снова возвращает нас к проблеме горькой правды и сладкой лжи, которой так много внимания уделено в учебнике в связи с пьесой «На дне». В ходе объяснения с Варварой Михайловной Рюмин восклицает: «А я хочу быть обманутым, да! Вот я узнал правду – и мне нечем жить!» Похоже, и этот вопрос беспокоил Алексея Максимовича, коль он к нему не один раз обратился.

Ну и, конечно же, какая пьеса Горького может обойтись без суицида? Рюмин пытается застрелиться, но неудачно, он получает всего лишь нетяжкое ранение. Ему стыдно, он просит прощения у Варвары Михайловны... Ужасная тягостная сцена, которая заканчивается словами Рюмина о самом себе: «Да... вот, жил неудачно и умереть не сумел... жалкий человек!» Когда читал пьесу впервые, в шестнадцать лет, эпизод меня не впечатлил. Зато теперь, когда перечитывал, глотал слезы.

Но суицидальная попытка Рюмина – не единственное самоубийство в пьесе, о сведении счетов с жизнью говорится не раз. Сперва обсуждают юнкера, у которого сестра застрелилась: «Не правда ли, какой сенсационный случай...

барышня и вдруг – стреляется...» Далее, уже в другом действии, Юлия Филипповна предлагает своему мужу Суслову, вынимая из кармана маленький револьвер: «Давай застрелимся, друг мой! Сначала ты... потом я!» Суслов совершенно справедливо расценивает эти слова как шутку, однако Юлия довольно долго и пространно рассуждает на тему самоубийства, делая вид, что говорит серьезно. Через некоторое время уже сам Суслов, осознав, вероятно, что из самоубийства вполне можно сделать повод для шутки, замечает как бы мимоходом в ответ на реплику о том, что люди «живут без действия»: «А вот я застрелюсь... и будет действие». На что Рюмин, отрицательно качая головой, отвечает: «Вы – не застрелитесь». Интересно, существует ли такая закономерность, согласно которой человек, много говорящий о самоубийстве, никогда не поднимет руку на самого себя? Сам Горький в этом смысле примером быть вряд ли может, ведь он сначала дважды пытался покончить с собой, лет эдак в девятнадцать-двадцать, а уж потом начал писать (и думать) о суицидах, и делал это до самой своей смерти.

Еще меня зацепили отдельные реплики отдельных персонажей. Даже не знаю почему. Или знаю, но не признаюсь никому. Например: «Мне все равно!.. Все равно, куда я приду, лишь бы выйти из этой скучной муки!» (Ольга Алексеевна); «У меня в душе растет какая-то серая злоба» (Калерия); «Когда я выпью рюмку крепкого вина, я чувствую себя более серьезной... жить мне – хуже... и хочется сделать что-

то безумное» (Юлия Филипповна).

Отдельно скажу о Суслове, о его монологах в четвертом действии: они снова заставили меня, как и слова Бессеменов и Тетерева в «Мещанах», под иным углом взглянуть на родителей. С одной стороны, то, что говорит Суслов, полностью применимо и к моему отцу: «Вы, Марья Львовна, так называемый идейный человек... Вы где-то там делаете что-то таинственное... может быть, великое, историческое, это уж не мое дело!.. Очевидно, вы думаете, что эта ваша деятельность дает вам право относиться к людям сверху вниз. Вы стремитесь на всех влиять, всех поучать...» Именно таким и является мой отец, крупный столичный партийный начальник. В чем смысл и суть его деятельности – мне неизвестно, но он ужасно важный человек, вершит какие-то там судьбы, следит, чтобы коммунисты Москвы правильно боролись за правильные идеалы, сильно устает на работе, а дома продолжает руководить и поучать, если вообще соизволяет открыть рот. Но с другой стороны, далее Суслов говорит вещи не столь однозначные, например, о том, что люди, наголодавшиеся и наволновавшиеся в юности, имеют полное право в зрелом возрасте хотеть много и вкусно есть, пить, отдыхать и вообще наградить себя с избытком за беспокойную, голодную, трудную юность; такая психология может кому-то не нравиться, но она вполне естественна, и с этим нужно считаться. «Прежде всего человек, почтенная Марья Львовна, а потом все прочие глупости...» Вот тут я и призадумал-

ся: вроде бы нам всегда внушали, что стремление к материальным благам и физическому комфорту есть мещанство и недостойно советского человека, но ведь мои родители пережили Великую Отечественную войну, а бабушка Ульяна – еще и войну Гражданскую, и, наверное, нет ничего предосудительного в том, что в зрелые годы они так цепляются за свои пайки и прочие блага... Смутила меня эта сцена у Горького, поколебала уверенность в собственной правоте. Выступление Суслова заканчивается его открытым признанием: «Я обыватель – и больше ничего-с! Вот мой план жизни. Мне нравится быть обывателем... Я буду жить как я хочу!» Однако сильнее всего меня поразила реакция Марьи Львовны: «Да это истерия! Так обнажить себя может только психически больной!» Пьеса написана в 1904 году, прошло 75 лет, и ничего не изменилось. По-прежнему тех, кто не согласен с руководящей идеей, считают психически больными. Трудно поверить, что за 75 лет ни наука, ни представления людей не сдвинулись с места. Приходится делать неутешительный вывод, что приравнивание инакомыслия к психическому заболеванию – не более чем удобный прием, позволяющий уклоняться от открытой дискуссии. Удивительно, что идеология за 75 лет не претерпела никаких изменений и настолько облезла, что даже новых приемов не выработала.

Вернусь к Суслову: в самом начале пьесы он угрюмо (как указывает Горький) говорит о том, что ему трудно допустить существование человека, который смеет быть самим

собой. Иными словами, Суслов изначально понимает необходимость притворяться и скрывать свое истинное лицо и готов с этой необходимостью мириться. Однако же в той самой сцене четвертого действия он перестает притворяться и, как говорится, срывает маску. Он честен, искренен. Он говорит то, что думает и чувствует, хотя, вероятно, понимает, что делать этого не следовало бы. Это хорошо или плохо? С одной стороны, хорошо, потому что быть честным и искренним – правильно. Нас так учили. Но с другой стороны, попытку предстать перед людьми без маски эти самые люди расценивают как признак помешательства. То есть не одобряют. И носителем этого неодобрения, как я уже указал выше, является Марья Львовна, та самая, которая учебником провозглашена «интеллигенцией нового типа, передовой, революционной». Что же получается? Правильная и передовая Марья Львовна не одобряет искренности и не ценит честности, считая их признаками психического заболевания? А «неправильный и глубоко презираемый автором» Суслов отказывается от притворства и лицемерия, то есть, по этой логике, поступает плохо? Неувязочка, прямо скажем... Нет, не у Горького, разумеется, а у тех, кто пытается привить нашим школьникам интерес к его произведениям. Как-то топорно они это делают.

Но, разумеется, эти мысли – не для обсуждения в классе. С учениками можно было бы поговорить о многом другом, что затронуто персонажами пьесы: говорить ли детям прав-

ду и как достичь дружбы между детьми и родителями; является ли умение жить умением жить без помощи и поддержки; легко ли жить среди людей, которые все только стонут и жалуются; возможна ли дружба между мужчиной и женщиной...

Ну и, конечно же, при обсуждении «Дачников» можно и нужно говорить о любви, благо почвы для этого в тексте пьесы предостаточно. Тут и влюбленность Варвары Михайловны в Шалимова, и безответная любовь Рюмина, и дачный, скоротечный, но тем не менее страстный роман Юлии Филипповны, жены Сулова, с Замысловым, и юная любовь Со-ни и Зимина, и ничем не окончившиеся отношения Власа и Марьи Львовны. Одним словом, есть о чем поговорить. Было бы желание...

* * *

На обсуждении «Дачников» Сергей, как обычно, сидел рядом с Артемом. После занятий они всегда выходили вместе и шли на улицу курить, но сегодня Артем, едва поднявшись из-за длинного стола, сразу направился к входной двери. И вообще он выглядел как-то необычно, был рассеянным, и его выступление оказалось на удивление коротким и не таким подробным, как прежде.

— Ты куда? — окликнул его Сергей, догнав Артема на лестнице.

– Нужно Юру найти, он же главный по транспорту.

– Тебе нужна машина? Хочешь куда-то съездить?

– Мне нужны билеты на самолет. Я уезжаю.

Сергей оторопел.

– Как? Почему? Дома что-то случилось?

Мимо них по лестнице спускались Марина и Тимур.

– Тим, где твой надзиратель? – обратился к нему Артем.

– На ферму за овощами поехал, а что?

– Ничего, ладно, – Артем махнул рукой. – Как думаешь, насчет билетов к кому еще можно обратиться? К Назару? Или надо к главному боссу идти?

Услышав, что Артем собрался уезжать, Тимур ужасно расстроился. Марина давно прошла мимо, а он все стоял на лестничной площадке и уговаривал Артема не торопиться.

– Ты же денег не получишь! Тебе заплатят только за отработанные дни. А вдруг премия?

– Тим, я не привык рассчитывать на мифические прибыли, я рассчитываю только на себя и на свою работу.

– Но это и есть твоя работа! Ты ее делаешь лучше всех! У тебя и у Сереги всегда больше всего совпадений с «Записками»! – убеждал Тимур. – Если останется только один Серега, то шансов на успех станет в два раза меньше. Ну подумай еще, Артем, не торопись. Ты же всех нас подставляешь! А вдруг мы без тебя не справимся? И нам тогда заплатят только за дни, а премию не дадут.

Сергею тоже жаль было расставаться с товарищем, но что

ж поделаться, если человеку стало скучно. Никакие аргументы, чтобы удержать Артема, ему в голову не приходили, кроме финансовых.

– Когда Юра вернется? – спросил упрямо Артем.

– К ужину, наверное. Он на какую-то дальнюю ферму ездит.

– Черт, и ведь не позвонишь ему... Хотя если я выхожу из игры, то на меня правила уже не распространяются. Тим, дашь номерок?

Сергею показалось, что Тимур замялся.

– Откуда у меня номер? Юра мне и не давал его, нам же на мобильные нельзя звонить.

– А, ну да... Ладно, подожду до вечера, все равно на сегодняшний рейс я уже никак не успеваю. Или, может, к Назару подойти, как думаешь? – обратился Артем к Сергею.

– Назар с боссом в богадельню сразу ушли, – буркнул расстроенный Сергей. – У них перерывов не бывает.

– Тогда подожду. Вот засада! – Артем внезапно улыбнулся. – Когда есть интернет – нет проблем, любой билет можно и забронировать, и оплатить, хоть на самолет, хоть на концерт. А без интернета и не знаешь, куда обратиться и как вопрос решить. Галина рассказывала, что раньше надо было ехать в кассу и часами стоять в очереди. Интересно, сейчас такие кассы еще есть?

– Наверное, есть, – Сергей посмотрел вслед уходящему Тимуру, – но в поселке их точно нет. Если только в городе.

Они спустились вниз, вышли на улицу, присели на выступающий бордюр цоколя, закурили.

– Тебе что, в самом деле неинтересно? – осторожно спросил Сергей.

– Интересно. Но уже не нужно. Я понял то, что хотел. Можно валить отсюда и заниматься делом.

– Но если ты останешься, то есть шанс, что поймешь еще больше. Разве нет?

– Есть, – согласился Артем. – Но я должен выбирать между интересным и нужным – с одной стороны, и интересным и не очень нужным, с другой. Работа – это интересное и нужное, это моя карьера и мои будущие доходы. А квест – это интересное, без которого я вполне могу обойтись.

Никакие уговоры не помогали, аргументы не действовали, да Сергей и сам чувствовал, что не может найти нужные слова, чтобы удержать Артема. Ну что ж, значит, не судьба.

Они собрались было возвращаться и в дверях подъезда столкнулись с Тимуром.

– О, Серега, а я как раз тебя ищу. Ты вроде говорил, что твой Гримо тебе вслух читает?

Сергей удивился.

– Ну, было один раз, еще на отборе. А что?

– А-а, – разочарованно протянул Тимур. – А я думал, он и пьесы тебе читает.

– Это принципиально?

– Да я хотел к тебе напроситься, все-таки слушать не так

напряжно, как самому глаза ломать. Но если вы не читаете вслух...

Глаза его хитро блеснули.

– А давай попросим Гримо нам почитать. Если ему одному трудно, можно еще кого-нибудь позвать, Ирину, например, или Старуху. Пусть читают нам по очереди или по ролям. Будет такой домашний театр. А? Клево я придумал?

Сама по себе идея Сергею понравилась. Хоть какое-то разнообразие.

– Старуху не надо, – быстро проговорил он. – Я ее боюсь, она всегда сердитая, губы поджаты.

Старухой участники квеста, с легкой руки Марины, называли между собой строгую Полину Викторовну.

– Ладно, тогда Ирину позовем. Ну, в смысле, попросим Гримо, чтобы позвал.

– А если она не согласится? – спросил Артем.

– Если Гримо попросит – согласится, никуда не денется, – уверенно заявил Тимур.

Виссарион Иннокентьевич воспринял предложение устроить домашний театр с воодушевлением и тут же сам позвонил Ирине, которую даже уговаривать не пришлось.

– Вот когда большая квартира пригодилась, – восторженно гудел баритон актера. – А я-то все размышлял, к чему нам с Сережей такая удача привалила! Судьба все видит, ее не обманешь. Места много, все разместимся. Сколько зрителей предполагается?

– Двое, – растерялся Сергей. – Я и Тим.

– Я тоже, – вдруг сказал Артем. – Ну... все равно же мне сегодня не улететь, а так хоть послушаю.

– А девочек пригласите?

Тимур скроил презрительную мину.

– Да ну их! Пусть сами читают, нечего моими идеями пользоваться.

А вот Сергей совсем не возражал бы пригласить Евдокию. Но признаваться в этом вслух постеснялся, поэтому промолчал.

– Это жаль, – покачал густоволосой головой Гримо, – артисту нужен зритель. Подумайте насчет девочек. Полагаю, они с удовольствием придут.

После обеда прочитали и обсудили «Записки молодого учителя», а после ужина собрались в трехкомнатной квартире на третьем этаже, у Виссариона Иннокентьевича и Сергея. Тим – безалаберный балабол – раззвонил девчонкам про «литературный вечер», хотя сам же первый был против их присутствия, и, к радости Сергея, Евдокия спросила, может ли она тоже прийти. Во время ужина в столовой с таким же вопросом подошла Наташа.

– А Маринка придет? – спросил он.

Наташа отрицательно покачала головой. «Вот и хорошо», – подумал Сергей. Почему-то хорошенькая и, в общем-то, неглупая Маринка ужасно его раздражала. Иногда просто до бешенства. Непонятно, как такая милая и тихая

девчушка, как Наташа, может с ней дружить.

Оказалось, что, пока участники между обедом и ужином разбирались с довольно длинным текстом Владимира Лагутина о «Дачниках» и ожесточенно спорили о Суслове, Марье Львовне и о том, является ли откровенность и искренность признаком психического заболевания, Виссарион и Ирина подготовили сцену и зрительный зал. Сцена представляла собой два кресла, поставленных на расстоянии одного метра друг от друга. Шторы задернуты, в комнате довольно темно, около каждого из кресел стоит включенный торшер. Зрителям предлагалось разместиться на диване и стульях.

Когда все расселись, Гримо встал и очень серьезно объявил:

– Максим Горький, «Старик», пьеса в четырех действиях. Мужские роли читаю я, женские – Ирина. Текст от автора читает Ирина. За гладкость исполнения не ручаюсь, мы с Ирочкой – дуэт несыгранный.

Тимур зачем-то начал хлопать, за ним последовали остальные, Гримо благодарно улыбнулся и сел. Действо началось.

* * *

До третьего действия Сергей слушал вполуха, то и дело поглядывал на Евдокию, но когда дошло до разговора Софьи Марковны с Девицей, забыл о своем вялом интересе к

неразговорчивой девушке и снова погрузился в собственные болезненные мысли. Девушка явилась в дом Мастакова вместе со Стариком, который знает о хозяине дома некую некрасивую и опасную правду и шантажирует его. Откровенное объяснение Мастакова со Стариком никакого результата не дало, и теперь любовница Мастакова, пытаясь помочь любимому и защитить его, уговаривает Девушку повлиять на злобного Старика. Девушка сперва отказывается встать на сторону Софьи, демонстрирует лояльность по отношению к Старику, но очень скоро соглашается изменить позицию в обмен на деньги, предложенные Софьей. С самого первого момента появления в пьесе эта особа выглядела буквально цепным псом Старика, солдатом, который никогда и ни за что не предаст своего командира, и вдруг такое... «Конечно, если секрет ваш в моих руках, вы меня не обидите... Хоша – с деньгами можно далеко уйти... Я бы ушла. А он – пожил на свой пай, старец-то...» Вот так легко и без зазрения совести ломаются убеждения, которые кажутся со стороны твердыми и неизменными, а недавний яростный идейный противник превращается в корыстолюбивого поделщика. Почему он, Сергей, даже не попробовал уговорить сестру? Он даже не попытался что-то исправить. Почему ему не пришло в голову переманить паршивку на свою сторону, посулив ей денег? Почему он не подумал, чем и как можно шантажировать Олеську, чтобы заставить ее не идти на поводу у матери? Потому, что покупать поступки за деньги – низко? Потому, что шан-

тажировать – мерзко? Ну да, он не стал пачкаться в грязи и мерзости, он просто хлопнул дверью и ушел. Типа поступил красиво. Пусть Геннадий пропадает ни за что в лапах жадной беспринципной хищницы, но он, Сергей Гребенев, сохранит себя в чистоте и порядочности.

А правильным ли было такое решение? Вот Софья Марковна готова ехать в город к знакомому прокурору, просить, может быть, даже взятку давать, чтобы разоблачения Старика не имели правовых последствий для ее любимого, она, умная и красивая женщина, готова унижаться и совершать преступление, чтобы спасти Мастакова. Он же, Сергей, не сделал ничего. Хотя... Почему ничего? Он открыто высказал матери и сестре все, что думает. Он ушел из дома. Он начал искать работу в другом городе. По глупости потерял должность и зарплату. Подрабатывал грузчиком в супермаркете и сторожем на даче. Да уж, поступки... Можно гордиться.

На какое-то время ему удалось приглушить собственные боль и стыд, он снова начал поглядывать на Евдокию, которая смотрела на актеров не отрываясь и слушала очень внимательно. Но вот Мастаков пытается объяснить со своим старым другом Харитоновым, рассказать ему правду о себе, объяснить, чем Старик его шантажирует, а потом спрашивает, верит ли друг в его невиновность и может ли простить за побег с каторги и многолетний обман – жизнь под чужим именем. И что слышит в ответ? Никаких слов поддержки и утешения. И снова мысли переметнулись к Геннадию: а ес-

ли бы он осмелился все рассказать бабуле, друзьям, знакомым, сослуживцам? Предупредить их, что жена принуждает его делить наследство под угрозой распространения позорящих клеветнических слухов. Что было бы? Поверили бы ему друзья? Поддержали бы? Или сказали бы: «Ну, знаешь, мы в этом вопросе не судьи, мы ничего не решаем... Кто тебя знает, а вдруг ты и в самом деле... того... этого... на малолеток засматриваешься... А нам потом предъявят, что мы попустительствовали и покрывали педофила».

Самоубийство Мастакова Сергей ощутил как кровавый мозоль, по которому резко провели наждаком. А вдруг Геннадий тоже... Даже думать об этом невыносимо.

* * *

Тимур работал медленно. Навыков печати с фотоувеличителем у него было совсем немного, и он боялся перепутать кюветы и щипцы.

– Говорил же тебе: поставь метки! – укоризненно сказал Юрий.

Если он не сильно уставал к концу дня, то помогал Тимуру, и они, закрывшись в маленькой ванной, выключив свет и включив красный фонарь, колдовали над проявкой пленки и печатью фотографий. Пленку в проявочный бачок следовало заправлять в полной темноте, на ощупь, эту процедуру Тимур успел оттренировать дома и теперь справлялся вполне

неплохо. Самым трудным было правильно определить концентрацию проявителя и фиксажа в воде, а также длительность воздействия для того типа пленки, который ему удалось достать. Из купленных тридцати катушек он заранее, еще до отъезда на квест, отделил пять для домашних тренировок, быстро отщелкал 180 кадров и начал экспериментировать, предварительно почитав найденные в интернете инструкции и рекомендации. По этим инструкциям, достаточно подробным, выходило, что все просто, однако на практике пришлось убедиться, что есть масса тонкостей и нюансов. Тимур даже начал бояться, что пяти пленок ему не хватит. Так и оказалось, пришлось пожертвовать еще двумя катушками, зато теперь он точно знал, что на одну часть того проявителя, который у него был, нужно заливать девять частей воды, а фиксаж разводить в пропорции один к пяти.

Отрабатывать же навыки печати дома никак не удавалось, мама запретила использовать ванную для «всякой жуткой химии», но Тимур позвонил Юре, посетовал на проблему и получил от него заверения в помощи, а также ценный совет прикупить дополнительные кюветы.

– В фиксаже нужно держать долго, и если кювета занята, это стопорит весь процесс. А вообще на фига ты так паришь-ся? Отдавай пленку в проявку и печать, тебе в ателье все в лучшем виде сделают. В семидесятые годы у нас много чего не было, конечно, но уж фотоателье-то были. Мастера, само собой, печатали сами, а любители все в ателье бегали.

- А какие там были сроки? – с надеждой спросил Тимур.
- Несколько дней, может, неделя.
- Не годится. Мне результат нужен сразу, чтобы быстро переделать, если что не получится.

Начав печатать фотографии, Тимур убедился, что Юра был прав: если в проявителе фотобумага должна находиться обычно не больше трех минут, в стоп-ванне и в кювете с чистой водой – пару секунд, то фиксаж требовал куда более длительной выдержки. За это время можно было проявить еще три-четыре снимка, а куда их потом класть для фиксации? Все-таки Тимур – удачливый пацан, повезло ему с куратором!

И все равно без ошибок не обошлось: несколько раз Тимур ухитрился использовать одни и те же щипцы для перекладывания снимка из проявителя в стоп-ванну и из чистой воды в фиксаж, хотя делать этого категорически нельзя, именно поэтому щипцов должно быть как минимум двое. Юра советовал поставить на щипцы яркие несмываемые метки, например, лаком для ногтей.

– Попроси у девчонок, у них же наверняка есть, – сказал он в первый же день.

Но Тимур, уверенный в своей внимательности и хорошей памяти, совету не внял. И даже ошибившись несколько раз, продолжал пользоваться совершенно одинаковыми на вид специальными щипцами. Почему-то ему казалось принципиально важным довести до автоматизма навык класть вто-

рые щипцы между кюветой с чистой водой и фиксажем, а первые после переключивания снимка в чистую воду возвращать на место между увеличителем и проявителем. Кажалось бы, что такого сложного? Навык никак не хотел формироваться, автоматизм не вырабатывался, Тимур проявлял упертость, но хорошего настроения при этом не терял.

Если Юра помогал, то с интересом рассматривал фотографии и давал порой забавные комментарии. В этот вечер Тимур ждал своего куратора с нетерпением, а Юры все не было: после возвращения с фермы он помогал Надежде Павловне раскладывать продукты в комнате-магазине, потом мыть посуду и убирать столовую и кухню.

Наконец клацнул ключ в замке. Тимур, приводивший в ванной оборудование в боевую готовность, выскочил в прихожую.

– Ну что? – спросил он тревожно. – Не искал тебя Артем?

– Нет. Я последние два часа у Надежды торчал в пищеблоке, чего меня искать? Вот он я, все знают, что по вечерам я ей помогаю.

– И в богадельню не поднимался?

– Вот этого не знаю, – развел руками Юра. – Но если что, Назар нашел бы меня и поручил заняться билетом для Артема. Раз указаний не было, значит, все тихо.

Тимур с облегчением выдохнул.

– Похоже, сработало! Ну, ты гигант! Как ты догадался-то? Мне бы и в голову не пришло.

Юрий рассмеялся и потрепал его по плечу.

– Эх, ты, молодежь! Тут и догадываться нечего, все очевидно.

– Да? – несказанно удивился Тимур. – А мне ничего не очевидно. Может, ты на самом деле что-то знаешь, а передо мной понтуешься, типа сам догадался.

– Да прямо-таки, – усмехнулся Юра. – Ты еще росточком не вышел, чтобы я перед тобой пальцы гнул. Ну что, у тебя все готово?

– Ага.

– Тогда я переоденусь – и приступим.

Через несколько минут они закрылись в ванной и включили красный свет. Сегодня основная масса кадров была отснята во время импровизированного спектакля. Это был первый опыт съемки со вспышкой при заданных технических условиях, и получилось далеко не все. Но пара-тройка крупных планов Ирины и Виссариона вышла очень недурно.

– И все-таки как ты догадался? – снова спросил Тимур, пристально глядя на лежащую в проявителе фотобумагу, на которой постепенно проступало изображение женщины, сидящей с книгой в руках в круге света, падающего из-под абажура старомодного торшера на длинной ножке. Женщина была самой обыкновенной, по мнению Тимура, – староватой и толстоватой, и в лице ничего такого особенного... Маринка с Наташей намного красивее, Маринка – вообще супер, ей в модели надо идти. А Ирина... Нет, непонятно.

– Не отвлекайся, – строго сказал Юра, – счет упустишь. Говорил же тебе, купи вместо таймеров несколько будильников, самых дешевых, самых простых. Вот не слушаешься старших!

– Да я по привычке подумал, что в телефоне же есть таймер, – начал оправдываться Тимур.

– Думал он, – проворчал куратор. – А таймеров в те годы не было. Теперь вот считаем вдвоем, как попугаи. Какое время на первый фиксаж?

– Двадцать два семнадцать.

Это означало, что в первую из пяти кювет с закрепителем снимок был положен в 22 часа 17 минут.

– Сейчас двадцать два тридцать, можно вынимать.

Тимур понимал, что Юра прав. Если длительность экспозиции можно было худо-бедно определять на глаз, то процесс проявки и фиксации требует хотя бы приблизительно-го контроля времени, особенно когда закрепляются одновременно несколько фотографий. Надо перестать валять дурака, пойти в магазин и купить самые примитивные механические будильники, иначе они с ума сойдут, постоянно удерживая в памяти время для пяти кювет с фиксажем одновременно и при этом следя за длительностью проявки. Ну как тут щипцы не перепутать! Для щипцов уже не оставалось свободного места в голове.

Наконец все хорошие кадры были напечатаны, фотографии промывались в ванне под проточной водой, и можно бы-

ло включить свет и расслабиться. Юра присел на край ванны, чуть нагнулся и стал рассматривать снимки.

– Какую пьесу слушали-то?

– «Старик».

– Надо же... Я и не слышал о такой. И как тебе, понравилось? Интересно было?

– Да ну, что там интересного! Но кое-что прикольное есть, например старушка одна, я не понял, кто она, не то нянька, не то прислуга, ну, короче, она говорит так прикольно, вроде добренькая, всех любит, обо всех переживает. Прикинь, «праведник – богу ябедник». Классно?

– Классно, – согласился Юра. – А еще что?

– «Где ни поселюсь – веселюсь». Здорово, правда?

– Правда. Позитивно настроенная бабуська. А еще?

– Еще «Жених – не бородавка, коли его нет – хвастать нечем». А что, в те времена, что ли, было стыдно не иметь жениха?

– Еще как! Ради замужества на все готовы были.

– Ну надо же... А сейчас девки вообще не парятся на эту тему. Так ты прикинь, эта добренькая бабуська предлагала человека убить. И не просто так абстрактно предлагала, а готова была сама его отравить, чтобы своему хозяину помочь избавиться от шантажиста.

– Ого! – хмыкнул Юрий, продолжая рассматривать фотографии. – И как? Убила? Отравила?

– Нет, ее отговорили. Но меня прямо подкосило, когда та-

кая бабулька – божий одуванчик оказалась убийцей. Неужели так бывает?

– Все бывает, – философски ответил куратор. – Тем более она же все-таки не убила.

– Но готова была, – упрямо возразил Тимур. – И сама первая это придумала, никому другому такое и в ум не влетело.

Юра помолчал немного, потом взял щипцы и легонько дотронулся до одного из снимков, лежащих в ванне.

– Посмотри, здесь все видно.

– Что видно? – не понял Тимур.

– Да все. Ты посмотри внимательно. Это снято в тот момент, когда включили свет и вы аплодировали исполнителям. Видишь, какое лицо у Артема, какой взгляд? А ведь он на Ирину смотрит. А у Сереги какое лицо? У Наташи? У Евдокии? Как они сидят, как голову держат, куда взгляд направлен? Ну? Что видишь?

Тимур всмотрелся, пожал плечами.

– Ничего не вижу. Ну, ребята наши, ну, сидят, хлопают... Что я должен увидеть?

– И вот здесь хорошо видно, – задумчиво продолжал Юра, указывая щипцами на другой снимок. – И вот здесь тоже. Артем запал на Ирину, а Серега твой – на Евдокию. У Артема все серьезно, а у Сереги – нет, просто интерес легкий.

– Да ладно, – недоверчиво протянул Тимур. – Гонишь?

– Ни в одном глазу! Еще могу сказать, что Наташе нравится Серега, а Маринке и Дуне не нравится никто из вас тро-

их. Чего ты помрачнел-то? Ладно, не напрягайся, я же вижу, что тебе Маринка нравится. Но шансов у тебя нет, ей нужна птица другого полета.

– Как же ты увидел? С чего ты это взял?

Юра встал, потянулся, насмешливо взглянул на подопечного.

– Ничего-то вы, молодежь, не умеете. В компах сечете, в программинге, взломать банк можете, а людей читать не научились. Ну да, откуда вам научиться, если вы на людей вообще не смотрите, вы ведь даже когда за одним столом собираетесь – в глаза не смотрите, разговоров не ведете, утыкаетесь в телефоны или куда там еще, у вас весь навык общения только в переписке, да и там вы ухитряетесь не слова подбирать, а смайликами пользоваться. Любовь не видите, ненависть не видите, обман различать не умеете... Как вы выживать-то собираетесь, дети виртуального мира?

– Чего ты наезжаешь? Сейчас весь мир по интернету общается – и ничего.

– Пока ничего, а потом что будет, через пару поколений? Я про Артема сразу все понял, как только увидел первые фотографии, которые ты в самом начале сделал. А ты как услышал, что он собрался уезжать, так и растерялся. Хорошо, что хоть ума хватило мне позвонить, я и подсказал. Теперь прикрывать тебя придется.

Тимур помрачнел. Да, он грубо нарушил правила. Когда Артем сказал, что хочет уехать, Тимур здорово перепугался,

помчался в свою квартиру и позвонил Юре на мобильный. Юра его, конечно, отчитал, но зато дал полезный совет.

– Ты вроде говорил, что сведения с телефонного узла только ты получаешь, – упавшим голосом заметил Тимур в ответ на выволочку куратора.

– Да, только я, и докладываю Ричарду и Назару тоже я. До сегодняшнего дня они верили мне на слово, но где гарантия, что так будет и дальше? А вдруг Назар захочет сам отчеты посмотреть? Ричард-то вряд ли заинтересуется, у него свои задачи, он по уши загружен, а Назар – хитрый карась, его поступки прогнозировать невозможно. Так что ты уж меня не подставляй. Тебе, может, и не страшно вылететь из проекта, у тебя предки богатенькие, с голоду не помрешь, а мне оказаться уволенным никак нельзя.

На самом деле Тимур совсем не хотел, чтобы его поймали на нарушении и отчислили. И родительские деньги были совершенно ни при чем. Он страшно испугался, услышав, что Артем собрался уезжать. Этого нельзя допустить, ведь было то письмо, а потом и разговоры по телефону... Поэтому он рискнул и позвонил Юре в надежде на дельный совет. Именно Юра вспомнил, что на отборе старик Гримо читал Сереге книгу вслух, и именно он придумал попытаться возобновить эту практику и привлечь Ирину. «На Ирину он поведется, – уверенно сказал Юра по телефону, – зуб даю». И не ошибся.

Первое комсомольское собрание, как и обсуждение первой из упомянутых в «Записках» пьесы, прошло скомканно и в целом неудачно, но я был к этому готов. Полина, Виссарион и Ирина блестяще сыграли свои роли, но молодые участники совершенно растерялись и не понимали, как себя вести и что говорить. Слишком уж необычной оказалась для них ситуация. Полина, оценив плачевный результат эксперимента, предложила показать ребятам отрывок из какого-нибудь старого фильма, где есть нужный эпизод. Гримо подхватил идею с воодушевлением и тут же вспомнил фильм под названием «Разные судьбы».

— Там, конечно, дело происходит в пятидесятые, а не в семидесятые годы, и комсомольцы еще во что-то верили и были более искренними, не такими циничными, как в нужный нам период, но общая стратегия и атмосфера достаточно показательны, — сказал он.

Фильм этот в нашей разбросанной по квартирам коллекции был, и предложение Полины показалось мне разумным. Участников отпустили на пятнадцать минут и велели после перерыва вернуться в общую квартиру. Три комнаты этой квартиры Юра оборудовал под нужды квеста. В самой большой, как и во время отборочного тура, находился длинный стол, за которым умещались все, кому надлежало присут-

ствовать при коллективных обсуждениях. В комнате поменьше стояли четыре стола-парты из тех, какими когда-то меблировали студенческие аудитории, и простые стулья. За тремя столами должны были сидеть шестеро «комсомольцев», за четвертым, лицом к ним, — Гримо и Полина, представляющие сотрудников вышестоящих органов. Ирина, «секретарь комсомольской организации института, предприятия или учреждения», сидела на отдельно стоящем стуле около подоконника, выполняющего функцию стола: пятая парта в комнату просто не поместилась. У самой двери с трудом втиснули еще два полукресла для меня и Галии. Для Вилена места уже не оставалось, но он сказал, что может и постоять или поставить дополнительный стул в проеме двери. Если кто-то из сотрудников, помимо названных, захочет попри-сутствовать, ему придется наблюдать ход собрания из прихожей, стоя или сидя за спиной у нашего психолога.

Третья комната, дальняя, точно такая же, как «зал для руководства» в квартире-столовой, предназначалась для выполнения функции кинотеатра. На стену повесили огромную панель, на этажерку сложили диски с фильмами, которые были в советском прокате в семидесятые годы, а наш старательный офис-менеджер Юра раздобыл в местном клубе кресла, демонтированные из кинозала много лет назад и сваленные в подсобку за ненадобностью.

Эпизод из фильма произвел на участников сильное впечатление.

– Да не может быть, чтобы так было! – возмущенно кричал хипстер Тимур. – Это не может быть всерьез!

– Жуть какая, – говорила Марина, округлив глаза. – Это получается, какие-то посторонние люди будут мне указывать, кого любить?

– Но она же все наврала, – сказал Сергей озадаченно. – Она же клеветала на мужа. Почему ей поверили? Почему ей, а не ему?

– Ничего себе давление они там организовывали, – качала головой Евдокия. – Все эти комсомольцы похожи на зомби с промытыми мозгами, которых хорошо научили, когда и по какому поводу нужно впадать в истерию.

Наташа подавленно молчала, а Артем записывал в тетрадь, лежащую на коленях, какие-то соображения. От предложения посмотреть фильм целиком все дружно отказались: эпоха отражена другая, более ранняя, а «беспонтово тарашиться в такой отстой», как выразился Тимур, никто не захотел.

Для сегодняшнего, второго по счету, собрания мы с Галией и Виленом выбрали доклад по материалам очередного съезда партии и персональное дело студентки, собравшейся замуж за иностранца. Суть дела подсказала Ирина, вспомнившая и рассказавшая историю, услышанную от какой-то подруги матери. Комсоргом группы назначили Наташу, а студенткой-невестой – Евдокию. Делать доклад поручили Сергею. Разумеется, сам доклад составили заранее, а

Сергей должен был встать между столами участников и столом начальников и зачитать его. Собственно говоря, этот текст и докладом-то назвать было нельзя, Галия посоветовала просто склеить между собой отдельные абзацы из Отчетного доклада ЦК КПСС, чтобы получилось говорильни минут на двадцать – двадцать пять.

Сергей начал зачитывать довольно бодро, но уже к исходу первой страницы доклада заметно скис, интонации пропали, и теперь слышался только монотонный бубнеж. Я смотрел на участников и старался не улыбаться. Как же им было скучно! Маялся даже Артем, который приехал сюда с твердой установкой получить как можно больше информации, и информацию эту он старался извлекать из всего, что только было доступно, в том числе и из собственного опыта. Через три-четыре минуты после начала собрания ребята начали ерзать и перешептываться. Галия тут же подняла над головой синюю карточку. Карточки эти мы придумали, чтобы иметь возможность делать замечания, не прерывая выступающих. Синяя означала недопустимое поведение, которое следовало немедленно прекратить, красная – недопустимые речи, которые полагалось «переговорить».

На первом собрании слушался доклад по книге Брежнева «Возрождение», он длился около 40 минут, и участники по мере возможности вынесли из этой мутной скуки определенный опыт. Сегодня Артем, кроме тетради, с которой он не расставался, принес книгу, но пока еще не пытался читать,

терпел, и книга лежала у него на коленях. Наташа, выполняя функцию комсорга, должна была сидеть за самым ближним к начальству столом, поэтому никаких вольностей позволить себе не могла. Место рядом с ней пустовало, его потом займет Сергей. За вторым столом уселись Евдокия и Артем. Артем, как я уже сказал, запасся книгой, но некоторое время еще пытался что-то записывать, а его соседка с отстраненным видом смотрела в окно и о чем-то думала. Тимур с Мариной ерзали, переглядывались, пытались шепотом разговаривать, но Галия при помощи синей карточки пресекла их жалкую попытку развлечься. Во второй раз карточка была продемонстрирована, когда Тимур раскрыл принесенную с собой папку и начал показывать Марине новые фотографии. Прodelывал он это под столом, но все равно в небольшом помещении все было отлично видно, а коль видно нам с Галией, то и начальству, которое сидело куда ближе к нарушителям.

Терпение у Артема закончилось, и он раскрыл книгу, по-прежнему держа ее на коленях. Синяя карточка.

Тимур поднял руку. Наверное, решил быть самым хитрым и отпроситься в туалет. Снова синяя карточка.

Докладчика никто не слушал. На лицах ребят была написана такая изнуряющая мука, что мне в какой-то момент стало их жалко. Начальству было легче: Полина что-то писала в тетради, и я вспомнил, как она говорила, что в молодости сочиняла стихи, чтобы убить время на мероприятиях, которые

нужно было высидеть; Гримо читал распечатанные «Записки молодого учителя», не выпуская из пальцев ручку и периодически делая пометки на полях, то есть изображал картину «руководитель работает с документами»; Ирина, пристроившись возле подоконника и разложив на нем бумаги, тоже демонстрировала деловитость и погруженность в работу, но я-то знал, что среди этой кучи бумаг ловко спрятана вложенная на всякий случай в материалы съезда тоненькая брошюрка с аффирмациями, рекомендованными для постоянного повторения тем, кто хочет сбросить лишний вес. Наш секретарь комсомольской организации только делала вид, что читает деловые документы, на самом деле она смотрела в брошюру и мысленно твердила свои волшебные заклинания, которые должны, по уверениям знатоков, помочь ей перестать хотеть мучное и сладкое.

Марина коснулась рукой плеча Евдокии, сидящей перед ней. Дуня обернулась, Марина что-то спросила... Карточка.

– Бедные дети, – прошептала мне на ухо Галия. – Имеет смысл научить их играть хотя бы в «Морской бой» или в «Виселицу». В «Анаграммы» тоже хорошо играть, там даже переговариваться не надо. Еще одного собрания они не вынесут, а ведь их запланировано куда больше.

Игра «Виселица» была мне хорошо известна, как и любому, выросшему в англоязычной стране. А в «Анаграммы» мы не играли, и что это такое, я не знал.

– Берется длинное слово и начинается соревнование:

кто больше существительных составит из букв этого слова. Впрочем, можно и не особо длинное брать. Например, «гастроном». Знаете, как много слов можно из этих букв выкрутить!

Вялая душная скука разливалась по комнате, забивала ноздри, не давала дышать. Казалось, от этой скуки воздух превратился в липкую вату. Ничего, пусть терпят. Я не садист, но мне обязательно нужно, чтобы эти дети прочувствовали, что такое несвобода. Это не тюрьма, нет. Это отсутствие возможности не делать то, чего делать не хочется. Отсутствие выбора. Отсутствие бесстрашия перед лицом перемен. Отсутствие права думать о собственных желаниях и потребностях. Опыт первого собрания их озадачил, второй должен привести в ярость, а к пятому-шестому, по прикидкам Вилена, они научатся воспринимать эту навязанную несвободу как обстоятельство жизни, к которому нужно приспособиться. Вот тогда они и придут в то психологическое состояние, в котором пребывал Владимир Лагутин и многие его сверстники.

Доклад закончился, и все с облегчением вздохнули. Предстояло развлечение: заслушивание персонального дела. Ирина сложила свои бумаги в стопку и поднялась.

– Второй пункт повестки дня – персональное дело комсомолки Аленичевой, – объявила она. – Аленичева, выйди и встань перед своими товарищами.

Евдокия послушно поднялась и вышла на свободное про-

странство, заняв место у самой стены, чтобы не оказаться спиной ни к группе, ни к Ирине, ни к начальству.

– Комсорг группы, доложите дело, – обратилась Ирина к Наташе и снова уселась возле подоконника.

Галия мне сказала, что такие девочки, как Наташа, никогда и нигде не становились комсоргами, слишком уж они тихие и неактивные. Но у нас квест, и комсоргом должен побыть каждый из участников, как, впрочем, и докладчиком, и героем персонального дела.

Несчастливая Наташа волновалась так, что у нее даже голос сел. Роль обличителя чужих пороков ей совершенно не подходила.

– Дуня... то есть Евдокия...

– Комсомолка Аленичева, – строго поправила ее Ирина.

– Да, комсомолка Аленичева собирается выйти замуж и переехать к мужу, – выговорила Наташа, с трудом прокашлявшись. – Вот. Мы должны рассмотреть ее персональное дело.

– А что, замуж выходить нельзя, что ли? – выкрикнул с места Тимур.

Галия укоризненно покачала головой, но карточку не подняла. Вопрос вполне правомерный, а Наташа пока плохо справляется.

С грехом пополам удалось заставить комсорга поведать группе, что Евдокия Аленичева собралась замуж за гражданина Испании и после регистрации брака хочет подать доку-

менты на выезд, чтобы жить вместе с мужем в Барселоне.

– И чё? – снова подал голос Тимур. – В чем криминал-то? Что мы должны разобрать? В кино хотя бы понятно было, там жена жаловалась, что муж ее бил, а тут-то чего?

Красная карточка.

Ирине пришлось прийти на помощь комсorghу, Наташа даже после первого собрания и просмотра фрагмента фильма так и не усвоила, в чем должна заключаться ее роль.

– Кто хочет высказаться и осудить комсомолку Аленичеву? – требовательно спросила секретарь комсомольской организации.

Никто не захотел. Подозреваю, что никто и не понимал, за что можно осуждать девушку, собравшуюся замуж за иностранца. Первым сориентировался Артем, но этого и следовало ожидать: он исправно посещал ежедневные занятия у Галии и был информирован куда лучше остальных участников. Он произнес четкую, хорошо выстроенную речь о бездуховности западной жизни и о несовместимости звания «советский комсомолец» с буржуазным омещаниванием, которое неизбежно произойдет с Аленичевой, если она переедет в капиталистическую страну Испанию.

– Еще есть мнения? – задала вопрос Ирина, когда Артем сел на место.

Мнений не было. Поднялась Полина, вид у нее был такой, что молодые участники все как один невольно вжали головы в плечи. Актриса, что и говорить! Еще ни слова не произ-

несла, только встала из-за стола, а уже всё стало понятно.

– Товарищи комсомольцы, – произнесла она хорошо поставленным голосом, – я как представитель горкома комсомола не могу не выразить удивления вашим безразличием к судьбе Аленичевой. Евдокия – ваш товарищ, вы учитесь на одном курсе, и когда Аленичева попала в беду и готовится совершить опрометчивый шаг, ни у кого из вас не нашлось нужных слов, чтобы удержать ее от этого шага и объяснить ей, чем впоследствии обернутся для нее такие необдуманные поступки.

Говорила Полина долго. Сначала о том, что комсомольцы должны активно осуждать Евдокию, а не сидеть молча, потому что комсомолец должен всегда и всюду занимать активную позицию и бороться с пережитками буржуазного строя в сознании своих товарищей. Во второй части выступления представитель горкома комсомола обвиняла несчастную Дуню в предательстве Родины, которую влюбленная девушка собралась покинуть ради того самого мещанского счастья, которое неизбежно обрушится ей на голову, если она переедет в Испанию.

Я наблюдал за лицами ребят. Это было великолепное зрелище. Но то ли еще будет! Общая канва сценария мне знакома, мы ее заранее обсудили с Гримо, Полиной, Ириной и Галией, и я знал, что впереди меня ждет немало интересного.

Полина закончила, и оживился Виссарион-Гримо.

– А, кстати, где вы, Аленичева, познакомились с гражда-

нином Испании? Насколько мне известно, в вашем институте не обучаются студенты из этой страны. Так как же состоялось ваше знакомство?

– Мигель приехал в качестве туриста, он просто ждал около гостиницы, когда соберется группа и подойдет экскурсовод, а я шла мимо... – ответила Евдокия.

– Около какой гостиницы? – быстро спросил Гримо, сдвинув брови.

– Около «Интуриста».

– А вы сами, Аленичева, что делали в этой гостинице? – голос актера начал наливаясь яростью и обличительным пафосом. – В «Интуристе» должны находиться только зарубежные гости, а советской студентке, комсомолке, там делать нечего. Для чего вы ходили туда?

– Я... Я не ходила туда, то есть внутрь не заходила, я шла мимо... Был дождь, грязно очень, у меня оторвался ремешок на сумке, потому что она тяжелая, много книг... Ремешок оторвался, сумка упала в грязь, Мигель подошел, помог мне, поджал кольцо, на котором ремешок держался... И мы познакомились, вот и все.

– Это позор! – загрохотал Гримо, причем так натурально, что в первый момент я даже поверил ему. – Вы, комсомолка Аленичева, бессовестно клеветеете на всю нашу советскую молодежь! Я никогда не поверю, что в центре Москвы посреди бела дня не нашлось ни одного мужчины, который вам помог бы. Ни одного, кроме какого-то заезжего испанца! И

во всей нашей необъятной стране, среди двухсот пятидесяти миллионов жителей, вы не нашли достойного молодого человека, вместе с которым вы будете идти по жизни и вносить свой вклад в строительство коммунистического будущего! Вместо этого вы умышленно шатаетесь возле гостиницы, где проживают иностранцы, и ищете способ завязать знакомство, чтобы продать свою девичью честь в обмен на материальные блага капиталистического псевдорая. Вам Родина дала всё: бесплатное образование, бесплатное медицинское обслуживание, счастливое детство, дружбу ваших товарищей, а вы что хотите сделать в ответ? Предать свою великую Родину и уехать!

Над первым столом взметнулась рука Сергея.

– Вот комсомолец Гребенев хочет выступить, – обрадованно сказала Наташа.

Ирина сделала царственный разрешающий жест.

– Очень хорошо. Давай, Гребенев.

– Как вы можете? – взволнованно заговорил Сергей. – Как вам не стыдно обвинять Евдокию в проституции? Она...

Красная карточка. И еще одна, в другой руке. Это означало, что всего двумя короткими фразами Сергей ухитрился нарушить сразу два правила поведения на собрании. Одно нарушение я понимал: рядовой комсомолец ни при каких условиях не смел сказать человеку из райкома (каковым на сегодня являлся Григо) подобные слова. А второе нарушение в чем состоит?

– Представитель райкома не мог обвинять девушку в проституции, – шепотом пояснила Галия. – Потому что проституции как явления в Советском Союзе не было.

– Как – не было? – изумился я. – А куда же она делась?

– Да была, конечно, но все обязаны были считать, что ее нет. Потому что советская власть такая замечательная, что все буржуазные пороки изжила. Девушку в те годы можно было обвинять публично только в недостойном поведении, а слово «проституция» применительно к комсомолке употреблять нельзя, понимаете? Это означало бы признание того факта, что явление существует.

Сергей помолчал, потом снова заговорил:

– Прошу прощения, я попробую еще раз. Я бы хотел вступить за Евдокию. Я знаю ее как старательную студентку и хорошего товарища, она никогда не отказывает в помощи, поддерживает, доброжелательная и ответственная. Я не верю, что комсомолка Аленичева способна предать Родину и погнаться за дешевыми буржуазными радостями. Она любит своего будущего мужа и намерена построить с ним крепкую семью. Возможно, Аленичева просто немного поторопилась с определением будущего местожительства, необдуманно пошла на поводу у жениха, который, конечно же, как и любой человек, хочет жить на своей родине и не мыслит существования в другой стране. Просто этот Мигель еще совсем мало знает о России...

Красная карточка. Сергей не понял почему, взглянул на

Ирину, которая тут же тихонько поправила:

– ...о Советском Союзе.

– Ну да, о Советском Союзе, и он не понимает, насколько жизнь у нас лучше и светлее, чем жизнь в стране капитализма. Он предложил – Аленичева согласилась. Но я уверен, что если мы окажем Евдокии моральную поддержку, подставим плечо, подскажем нужные аргументы, то она сможет убедить жениха переехать в Советский Союз и стать советским гражданином. Ведь правда, Евдокия? Ты сможешь?

Что ж, молодец. Отличный парень. Умница. Не отдал Дуню на растерзание, грудью встал на защиту, но при этом, хоть и не с первой попытки, сумел соблюсти идеологический регламент. К сожалению, роль Евдокии прописана досконально, и отступать от нее она не должна. Так что героем Сергеем сегодня не быть.

Она и не отступила.

– Я не смогу, – тихо сказала Евдокия, опустив глаза. – У Мигеля больная мама и трое братьев и сестер, младших, он работает и всех содержит. Как же они будут жить, если он их бросит и переедет к нам?

Наташа растерянно взглянула на Ирину, та кивком головы указала на листок, лежащий перед комсоргом, – шпаргалку, которую специально составил Григо, имевший в деле ведения собраний самый большой опыт из всех нас.

– Если желающих выступить больше нет, переходим к голосованию, – прочитала Наташа по бумажке.

– Предложения, – громко прошипел Гримо. – Не туда смотришь! Сначала предложения.

Наташа залилась краской, поискала глазами в шпаргалке нужное место.

– Да. Какие будут предложения? Поставить на вид, объявить выговор с занесением в учетную карточку или исключить из комсомола?

Слово снова взяла Полина. Строго глядя на присутствующих, она сказала:

– Мы все понимаем, что для человека, собирающегося покинуть Родину, может быть только один вид взыскания: исключение из рядов комсомольской организации. Но сегодняшнее собрание заставило меня усомниться в сознательности и идейной стойкости студентов вашего института. Может быть, вам нужно подумать о переизбрании комсорга курса? Или в вашем равнодушии к судьбе вашего товарища виновато руководство комсомольской организации института?

Это был вызов. Даже два вызова одновременно. Первый: попробуйте только не вынести на голосование то решение, которое должно быть. И второй: а будете ли вы защищать комсорга (Наташу) и комсомольского вожака (Ирину)? Посмеете ли, точно зная, что представителю горкома они не нравятся?

Дети ничего не поняли, кроме одного: им подсказали, какое именно решение они должны предложить своему комсоргу. Такие, понимаете ли, игры в демократию. В советское

время в эти игры умели играть все уже с детсадовского возраста. А нынешние... Сплоховали. Ну, почти.

Руку подняла Марина.

– Предлагаю исключить комсомолку Аленичеву из комсомольской организации! – звонко отчеканила она. – Таким, как она, не место среди нас.

Других предложений не поступило. Комсорг Наташа слабым голосом объявила голосование. Кто за? Артем, Марина. Они быстро усвоили правила. Разумеется, Ирина тоже подняла руку, причем сделала это самой первой, а ее выразительная мимика подсказала Наташе, что комсоргу также следует голосовать за исключение. Кто против? Тимур. Этот по правилам играть не желает ни в какую. Про воздержавшихся Наташа забыла, а в шпаргалку вовремя не посмотрела. После очередной подсказки Гримо выяснилось, что воздержался Сергей. Итак, решение об исключении Евдокии из рядов комсомольской организации оказалось принято большинством голосов.

Участники изнывали от желания поскорее убраться отсюда, но неумолимая Галия остановила их порыв к свободе.

– Перерыв десять минут, можете сходить в туалет, – она бросила хитрый взгляд в сторону Тимура, – и быстро перекусить в буфете. Потом возвращаетесь сюда, будем проводить разбор ошибок.

– А в прошлый раз разбора не было, – строптиво произнес Тимур. – В прошлый раз вы кино показывали. Почему

сегодня не так?

– Объясняю на простом примере, – слышался у меня за спиной голос Семена.

Переводчика на собрание я не приглашал, ибо никаких сложных моментов не предвиделось. Все говорят по очереди и не пользуются сленгом. А он все-таки пришел... Я даже не заметил, когда он появился, настолько увлекся ходом спектакля.

– Когда я еще был студентом, меня и моего одноклассника попросили помочь с переводом во время экскурсии по городу. Одноклассник мой владел языком значительно слабее меня, но я обратил внимание, что один из туристов-англичан то и дело меня поправлял, указывая на ошибки, а товарищу моему не сделал ни одного замечания. И когда я набрался нахальства спросить у этого туриста, почему он меня поправляет и неужели я знаю английский хуже, чем мой сокурсник, знаете, что он ответил? Это послужило мне уроком на всю жизнь. Он сказал: «Ваш товарищ говорит так плохо, что его нельзя сбивать, он все равно не поймет моих объяснений, испугается и вообще забудет даже то, что знает. А вы говорите настолько хорошо, что вам уже пора совершенствоваться и исправлять мелкие недочеты, шлифовать язык». Пример понятен?

Все дружно закивали, Тимур хихикнул, лицо Артема выражало удовлетворение, ибо для него работа над ошибками становилась еще одним полезным источником информации.

Дружить со временем ребята так и не научились, наручными часами пользоваться еще не привыкли, хотя каждому их выдали в день приезда (я попросил Юру приобрести шесть самых простых и дешевых часов), поэтому десять минут перерыва превратились в двадцать. Единственной, кто не опоздал, оказалась Евдокия, потому что она вообще не уходила, подошла к Ирине и о чем-то очень тихо с ней разговаривала, стоя у окна. Последним, на исходе девятнадцатой минуты, явился Тимур с камерой в руках.

– Дуня, встань, как ты стояла, я сфотаю, – скомандовал он. – Ну встань, трудно тебе, что ли? Комсомольское собрание – это будет звезда инсты!

Галия решительно остановила рьяного фотографа, пообещав, что после окончания разбора ему дадут возможность поснимать со всех ракурсов.

– Итак, приступим. О том, что вертеться, разговаривать и заниматься посторонними делами нельзя, говорить не стану, это вам и так должно быть понятно. Скажу честно: на больших комсомольских собраниях, например общеинститутских или курсовых, которые проводятся либо в актовом зале, либо в лекционной аудитории, всегда есть возможность чем-то заняться, потому что народу много и руководители обычно хорошо видят только тех, кто сидит в первых нескольких рядах. Если сидеть подальше, то можно и почитать, и поговорить шепотом, и поиграть во что-нибудь. Конечно, не в карты и не в шахматы, а в какую-то игру, для ко-

торой можно использовать тетради. Но это всё. Больше никакой возможности развлечься не было. На камерных собраниях, например учебной группы или отдела в учреждении, все на виду, так что послаблений быть не может.

Далее Галия объяснила причину выставления каждой карточки, кроме дисциплинарных. Во время чтения доклада нельзя поднимать руку и перебивать выступающего. И, конечно же, ни в коем случае нельзя обращаться к представителю райкома или горкома со словами: «Как вам не стыдно?» Этого нельзя говорить вообще никому, кто выше по статусу, даже если он младше по возрасту.

Разобрав каждую конкретную ошибку, Галия подвела итог:

– После первых двух опытов вам должно стать понятным, что комсомольское собрание нужно готовить. Нельзя пускать дело на самотек, иначе и получается как сегодня, когда в нужный момент не оказалось выступающих. Комсору следует позаботиться об этом заранее и убедиться, что они скажут то что нужно. Для обычных рядовых собраний можно сильно не стараться, но если на повестку дня вынесено персональное дело, готовиться нужно как следует, потому что на персональные дела всегда приходят надзирающие из вышестоящих организаций. И если собрание посвящено, например, отчетному докладу о работе комсомольской организации за прошедший год, тоже должно быть как минимум два человека, которые выйдут и что-то скажут, дополнят, на-

пример, или покритикуют. Но в правильных выражениях и с правильными интонациями. Такие собрания назывались отчетно-перевыборными, руководитель комсомольской организации докладывал о проделанной работе, а комсомольцы принимали решение, одобрить ли работу и выбрать ли этого человека на новый срок. Тут уж без выступающих никак не обойтись, непременно нужно, чтобы два-три человека высказались либо насчет того, какой этот комсомольский лидер хороший, либо покритиковали его. Присутствующим задается вопрос, чью кандидатуру они предлагают обсудить, и нужно, чтобы из зала поступило как минимум два предложения: одно – переизбрать прежнего вожака, второе – выбрать кого-то другого. Второго предложения может и не быть, это желательно для протокола, но не обязательно. А вот первое предложение необходимо обеспечить, а все остальные могут тут же зашуметь: «Согласны, согласны». Потом голосуют. Голосуют, как вы понимаете, тоже правильно. В любом случае большинство голосов наберет тот, кого рекомендовал и поддерживает райком.

– И для чего вся эта шняга? – подал голос неугомонный Тимур. – Зачем выступающие, если вы сами говорите, что правила жесткие? Вот сегодня, например, мы должны были осудить Дуню, чтобы все было по правилам. Зачем обязательно кому-то выступать, если изначально известно, что мы должны осудить? Чё-то я не вкурываю этот момент.

– Потому что нужно создать видимость демократии, –

усмехнулся Артем. – Это тоже правило такое.

– А что будет, если я его нарушу?

– Ходил бы на занятия к Галине Александровне – знал бы, – сердито откликнулся маркетолог. – Теперь только время из-за тебя теряем.

– Мне тоже непонятно, – сказала вдруг Марина.

– И мне...

Естественно! Разве могла Наташа не поддержать подругу?

Разбор ошибок превратился в небольшую лекцию, которую все участники прослушали с неослабевающим вниманием. Закончив с базовой информацией, Галия призналась, что в реальной жизни все было не так ужасно, как на только что прошедшем собрании.

– Зачем же вы заставляете нас поступать так, как не поступали в реальной жизни? – спросил Сергей.

Вечно во всем сомневающийся, недоверчивый и подозрительный юноша... Наверное, ему тяжело жить, не то что всегда веселому, не обидчивому и оптимистичному хипстеру Тимуру.

– Мы умышленно повышаем концентрацию всего того, что составляло повседневную жизнь в те годы, чтобы вы смогли, образно выражаясь, сразу приобрести и надеть костюм, который конструировался годами. На самом деле можно было пройти весь комсомольский возраст и ни разу не попасть на заслушивание персонального дела, а у нас с вами таких дел будет целых шесть за короткий период. Это вы-

нужденная условность.

Расходились наши молодые участники заметно поскучевшими. Да и немудрено. Тяжело им, привыкшим к свободе и виртуальной анонимности, примеривать на себя жизнь, в которой не существует понятия приватности, зато кругом сплошные правила и ограничения.

* * *

Стоя перед «комсомольским собранием» и слушая выступления, изобличающие ее аморальную сущность, Дуня вдруг поймала себя на мысли: «Это же не про меня. Все эти слова не имеют ко мне никакого отношения. Это говорится про кого-то другого, носящего такую же фамилию, как я. Но не про меня». Ей на мгновение показалось, что вокруг нее сформировался прозрачный кокон, сквозь который не проникают ни оскорбления, ни клевета, ни демагогические выпады. И сразу стало легко и почти весело.

После собрания она попыталась вспомнить это ощущение, вернуть его себе, снова оказаться внутри кокона, и тогда никакие слова Дениса ее не тронут, не оцарапают. Но ощущение почему-то не возвращалось. Дуня решила посоветоваться с Ириной, и та порекомендовала ей постараться как можно лучше сохранить в памяти обстановку собрания.

– Когда почувствуешь, что нужен кокон, – сразу вспоминай, как тебя опускали, вспоминай Полину, Виссариона, а

главное – вспоминай свои мысли. Первое время потребуется усилие, но потом будешь закутываться в кокон уже автоматически.

– Точно? – недоверчиво переспросила Дуня.

– Гарантирую. Почти у всех актеров, например, есть такие приемы, чтобы вовремя заплакать. Или, наоборот, искренне, от души расхохотаться.

– И у тебя?

– И у меня. Конечно, для всего требуется навык, а для формирования навыка нужны тренировки, но если не лениться, то все получится.

В этот день Дуня больше ни разу не вышла из квартиры, пропустила ужин, отказалась от принесенных Ириной из буфета бутербродов.

– Ты и на обед не ходила, и в ужин не поела, – беспокоилась Ирина. – Так нельзя, Дунечка, ты скоро прозрачной станешь. И ты парню своему обещала не пропускать, забыла?

Да, она же обещала Ромке честно съедать завтраки, обеды и ужины... Но в голове засело непонятно откуда взявшееся странное ощущение, что если она, Дуня, съест хоть крошку, если сделает хотя бы один шаг за дверь квартиры, то тем самым нарушит хрупкий баланс, благодаря которому может появиться спасительный кокон. Она должна сидеть неподвижно или лежать, тогда крошечный зародыш этого волшебного кокона сохранится у нее внутри и, быть может, прорастет, окрепнет.

Ей пришлось сделать заметное усилие, чтобы стряхнуть с себя наваждение.

– Ира, тебе не кажется, что я головой тронулась? – тихо спросила Дуня.

– Кажется, – сердито отозвалась Ирина, наливая в чашки чай. – И будет казаться до тех пор, пока ты не поешь. Давай-ка заканчивай валять дурака, поднимайся с дивана и садись к столу. Я тебя покормлю и выйду прогуляться. Меня сейчас в столовой Артем озадачил вопросом о вчерашней пьесе, мы договорились с ним после ужина пройтись до озера и обсудить. Кстати, вопрос любопытный. Может, пойдешь с нами?

– Нет, я дома побуду.

Преодолевая страх, почти граничащий с паникой, Дуня откусила и прожевала первый кусок. Сделала глоток чаю, откусила снова. Жевала, глотала и прислушивалась к себе. Зародыш кокона ощущался голубым прозрачным шариком, сделанным из чего-то мягкого, этот шарик словно висел где-то чуть ниже гортани и слегка вибрировал. Вот уже два бутерброда съедены, а шарик, кажется, никуда не пропал. «Ну и чего я распахивалась? – сказала сама себе Дуня. – Ем – и ничего. Ира же сказала, что можно натренироваться. Если у других получается, то и я смогу».

Она добросовестно съела все, что принесла куратор. Но из квартиры все-таки не вышла до самого утра, когда пришлось идти на завтрак, а потом на обсуждение пьесы «Старик».

Роль комсорга далась Наташе тяжело, и после собрания она чувствовала себя отвратительно грязной и подлой. Неужели в те времена, которые казались ей честными и красивыми, нужно было непременно проходить через такое? Неужели каждый должен был так себя вести? Неужели это и есть та самая игра по правилам, о которой все время твердят дядя Назар и Галина Александровна? Правда, Галина сказала, что можно было пройти весь комсомольский возраст и ни разу не попасть на подобное омерзительное судилище, но все равно... Все равно были игры и были правила, и нужно было притворяться и лицемерить. Выходит, зря Наташа так тосковала по тому времени, мечтала о нем, рвалась туда. Сегодня вокруг куча всяких глупостей и маразмов, которые ее бесят и не дают дышать, но хотя бы нет правил и нет притворства. Сегодня все честно, сегодня свобода. Правда, честность эта все время почему-то оборачивается хамством и злобностью, достаточно почитать комментарии к любому посту, чтобы увидеть, как люди, прячущиеся за аватаркой с безликой картинкой вместо фотографии, брызжут ядом и оскорбляют друг друга, не выбирая выражений. Получается, отсутствие анонимности, как раньше, давило людей и заставляло быть такими, какими они на самом деле не являлись, а нынешняя возможность скрыть свое лицо и свою личность

выпускает наружу самое худшее, самое грязное и низкое, что есть в человеке. С одной стороны, лживо и прилично, с другой – честно и мерзко. И что лучше? Что правильнее?

Нигде ей, Наташе, нет места, ни там, ни здесь.

Она бездумно слонялась по квартире, не зная, куда себя приткнуть. Маринка исчезла сразу после собрания, наверное, опять вынашивает очередной план и пытается его осуществить. Она вообще в последнее время отстранилась от подруги, вчера на чтение пьесы не пришла, а ведь было так здорово! Конечно, хорошо, что она не жужжит над ухом, мешая читать и заставляя все время оценивать ее внешний вид и участвовать в глупых надоевших разговорах о том, как она «сделает американца», но почему-то немного обидно. И странно. И еще Наташе очень не понравилось, что Маринка проголосовала на собрании за исключение Евдокии из комсомола. Да, игра, да, все понарошку, да, правила, но... Как-то это нечестно. Нечисто. Настоящая Маринка никогда не думала так, как думала «комсомолка Марина». Ведь Сергей воздержался, а Тим и вовсе рискнул проголосовать «против», а она... Зачем? Наташа голосовала «за», потому что так было написано в ее шпаргалке, ей по роли положено, таково правило. Была бы ее воля, она ни за что не подняла бы руку, постаралась бы спасти Евдокию от позора. Маринка могла хотя бы попытаться, как это сделал Сергей. Но она и не попыталась.

А что было бы, интересно, если бы Наташа сделала не так,

как написано в шпаргалке?

Она открыла свою тетрадь на первой странице, нашла телефон Назара Захаровича, позвонила. Длинные гудки, никто не подходит. Скорее всего, сидит, как обычно, у Ричарда, обсуждают собрание. Кому бы еще позвонить? Галине Александровне? Начало шестого, у нее лекция, и там, как обычно, Артем. Удобно ли зайти посреди занятия? Наверное, нет. Вилен? Если у Ричарда собрались, но он тоже наверняка там. И Семен. Надежда Павловна занята, готовит ужин, ей не до разговоров. Остаются артисты.

У Ирины телефон был занят, а вот Старуха ответила на звонок сразу.

– Конечно, деточка, заходи, поговорим, – тут же разрешила Полина Викторовна. – А хочешь – выйдем пройдемся, пока дождь не начался.

Наташа бросила взгляд на небо за окном. Да, серенькое, низкое, но темных набухших водой туч пока не видно. С чего Старуха взяла, что будет дождь?

– Я головой чувствую, – засмеялась Полина. – Вернее, затылком. Примерно за час до дождя или снегопада начинает ужасно ломить затылок. Так что, пойдем?

С советской обувью Наташа так и не подружилась, несмотря на привезенные с собой стельки, и первая мысль о прогулке вызвала у нее отторжение, но уже через секунду она вспомнила о теннисных тапочках, в которых ходила в первый день отборочного тура. Впоследствии она ни разу боль-

ше их не надевала, хотела, чтобы Сергей видел ее в туфельках, но сейчас эти тапочки могут оказаться весьма кстати.

– Кофточку возьми, – строго сказала Полина Викторовна, – на улице заметно похолодало.

Кофточку... Вот же!.. В нормальной жизни Наташа накинула бы яркую ветровку поверх футболки, а тут приходится напяливать на себя какую-то идиотскую старушечью кофточку, которая совсем не катит с деревянными жесткими джинсами. Если б хотя бы длинный кардиган, а то кофточка, короткая, чуть ниже талии, на мелких безликих пуговках, и сидит плохо, а выглядит еще хуже. Да ладно, сейчас главное – разобраться с собственными мыслями.

Они прошли по пустой улице, на которой стоял их дом, завернули за угол и оказались в оживленной части поселка.

– Так о чем ты хотела поговорить?

– Я хотела спросить, что было бы, если бы я сегодня на собрании не проголосовала за исключение Евдокии. Ведь я могла проголосовать «против»? Или хотя бы воздержаться могла? Или это против правил?

– Это против правил, – усмехнулась Полина Викторовна. – Но ты, конечно, могла. Запретить тебе невозможно.

– И что было бы?

– Евдокию все равно исключили бы, потому что «за» подано большинство голосов. Ирочка, Артем и твоя подружка Марина. Сергей воздержался, «против» были бы вы с Тимуром, то есть меньшинство. Так что твой подвиг никого не

спас бы. Евдокию исключат, а у тебя будут проблемы.

– Какие?

– Такие же, как у Евдокии примерно. Сначала тебя вызовут на заседание комитета комсомола института и будут песочить в хвост и в гриву, обвинять во всех смертных грехах, и в итоге окажется, что ты даже хуже, чем Евдокия, раз покрываешь предателя Родины. Тебе вынесут выговор с занесением в учетную карточку и тут же назначат собрание, на котором объявят обо всех твоих прегрешениях и выберут нового комсорга. Ты попадешь на карандаш в райкоме комсомола, ты испортишь себе репутацию, и все это в конечном итоге отразится на твоём распределении. Можешь считать, что тебе сильно повезет, если на курсовом или общеинститутском комсомольском собрании не будут заслушивать твоё персональное дело. Будешь стоять, как сегодня Евдокия стояла, а тебя будут поливать помоями. Хочешь?

– Не хочу.

– Тогда голосуй как положено.

– А что такое распределение?

– Тебя государство пять лет бесплатно учило в вузе, за это ты должна отдать долг, отработать три года по полученной специальности там, куда тебя направят, то есть распределят. Это может быть вполне приличное место в твоём родном городе, а может оказаться и должность в жуткой дыре за тысячу километров от дома.

– А если я не захочу туда ехать?

– Деточка, забудь слово «хочу», если мы говорим о тех временах, – засмеялась актриса. – Это сейчас вы имеете возможность хотеть или не хотеть. При советской власти люди были должны и обязаны, других глаголов не существовало. Если ты на комиссии по распределению посмеешь сказать, что не хочешь ехать, к примеру, в деревню за Урал, тебе сначала прочтут лекцию о том, как советская власть тебе все дала бесплатно и ты обязана отработать, а если ты не хочешь отрабатывать и отдавать долг государству, то ты недостойна называться советским человеком, а потом направят в такую же деревню, только еще дальше. Но могут сделать и по-другому.

– Как? – с любопытством спросила Наташа.

– Видишь ли, они так хитро все придумали, чтобы комиссия по распределению была до госэкзаменов. И если ты на комиссии повела себя неправильно, у них были все возможности завалить тебя на госах. Тогда ты получаешь не диплом, а справку о прохождении обучения в данном вузе. Диплом есть гарантия государства, что ты овладела знаниями и навыками, достаточными для работы по специальности. Нет диплома – нет гарантий. Без диплома ты – никто. Зато можешь не ехать куда тебя посылают, будешь искать работу самостоятельно. Только кто тебя возьмет, если диплома нет? Остается путь в уборщицы или в дворники. Устраивает такой вариант?

Наташа в ужасе помотала головой.

– Тогда голосуй как положено.

Полина Викторовна внезапно остановилась, зажмурилась и принялась массировать пальцами затылок.

– Вам плохо? – испугалась Наташа.

– Ничего, пройдет.

Актриса подняла голову, посмотрела на небо.

– Сейчас начнется, минут через пять. Спазм ужасный. Давай возвращаться.

Наташа послушно развернулась, они зашагали по направлению к дому.

– Может, к доктору зайдете? – предложила Наташа, когда они подошли к подъезду.

Ей очень не понравилось сильно побледневшее, с отливом в синеву, лицо Полины Викторовны.

– Пожалуй, – согласилась актриса. – Пусть укольчик сделает.

Ливень обрушился на поселок, как только за ними закрылась дверь подъезда.

– Успели, – удовлетворенно заметила Полина и нажала кнопку звонка на двери временного медпункта на первом этаже.

Доктор открыл сразу же, Наташа вошла следом за актрисой и, к своему огромному удивлению, увидела Маринку. Подруга сидела на смотровой кушетке, одна нога забинтована от щиколотки до бедра.

– Нога так болит, встать не могу, – проныла Маринка. –

Эдуард Константинович эластичный бинт наложил, сказал, что растяжение. Вот сижу, жду, когда боль немножко успокоится, а то до квартиры не дойти, больно ужасно.

– Это опасно? – с тревогой спросила Наташа.

– Да нет, просто сильная боль. Пройдет.

Наташа оглянулась на доктора и Полину. Актриса уже сидела, закатав рукав и приготовив руку для инъекции, Эдуард Константинович набирал в шприц препарат из ампулы.

– Что ж ты меня не позвала? – упрекнула Наташа подругу. – Я бы помогла дойти до квартиры. Сидишь тут, доктору мешаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.